SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Б. Д. Порозовская
  -
  - Предисловие
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Источники и пособия
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

Б. Д. Порозовская
Александр Меншиков
Его жизнь и государственная деятельность
Биографический очерк
С портретом Меншикова, гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

...Счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин...

Пушкин

Из всех фаворитов и временщиков, которыми так изобилует у нас XVIII век, из всех “баловней счастья”, поражающих воображение необычайностью своих судеб, самым замечательным, самым блестящим и популярным является, бесспорно, знаменитый любимец и сподвижник Петра Великого – Александр Данилович Меншиков. Это, можно сказать, прототип всех последующих русских временщиков. Остерманы, Бироны, Разумовские, Потемкины – все эти “случайные” люди, более или менее продолжительное время хозяйничавшие в России, по сравнению с ним кажутся только копиями, далеко не достигающими блеска оригинала. Никто из них не обладал таким могуществом, никто не поднимался на такую головокружительную высоту и... ничье падение не было так глубоко и трагично.

Биография Меншикова в ее крупных, наиболее эффектных деталях более или менее общеизвестна. В самом деле, кому из людей, хоть сколько-нибудь знакомых с отечественной историей, при воспоминании о великой эпохе преобразований, рядом с фигурой самого Преобразователя не представляется фигура его друга и сподвижника, любимейшего из его “птенцов”; кому хоть в главных чертах не известна замечательная, полная самых резких превратностей судьба этого человека – его низкое происхождение и необыкновенно быстрое возвышение, его беспримерное могущество, безграничное честолюбие, злоупотребления властью и страшное неожиданное падение? Из всех анекдотически интересных эпизодов истории, попадающих даже в элементарные учебники, и именно благодаря этой анекдотичности запечатлевающихся в памяти, история мальчика-пирожника, ставшего “полудержавным властелином”, особенно популярна и известна чуть ли не всякому грамотному человеку.

Но Меншиков замечателен не только по романическому характеру своей судьбы. Это не только интересная в психологическом отношении личность – в его лице мы имеем дело с крупным историческим деятелем, имя которого в продолжение целой четверти столетия мелькает перед нами на большинстве страниц отечественной истории. Один из главных

сотрудников Петра, более всех других усвоивший его преобразовательные идеи, “полудержавный властелин” еще при жизни великого государя, он становится почти полновластным правителем после его смерти. Екатерина I, обязанная ему троном, является послушным орудием в его руках, в малолетство Петра II Меншиков, будущий тесть императора, распоряжается еще более бесконтрольно, хотя и короткое время. Хорошо ли, дурно ли он пользовался своей властью – это особый вопрос. Факт тот, что после смерти Петра Великого дальнейшая участь его реформ, дальнейшее развитие того, что было начато или только намечено гениальным Преобразователем, всецело зависели от способностей и энергии тех, к кому перешла власть, а следовательно, на первом плане, от А. Д. Меншикова. И *этот* Меншиков – Меншиков, главный исполнитель замыслов Петра при его жизни и его фактический преемник, без сомнения заслуживает нашего внимания в гораздо большей степени, чем тот временщик, неслыханно блестящая карьера которого завершилась так печально в отдаленном уголке Сибири.

К сожалению, несмотря на популярность Меншикова, именно эта сторона его биографии наименее разработана. В общем, жизнь любимца Петра Великого несравненно чаще служила предметом поэтически-литературной обработки, чем серьезного исторического исследования. Оно и неудивительно. Необыкновенные превратности судьбы этого деятеля сами по себе так интересны, так способны действовать на воображение и чувство, что историческая роль его как-то нечувствительно отступает перед нами на задний план, и ярко очерченная историческая фигура переходит в разряд тех героев, которые особенно охотно утилизируются поставщиками сенсационных романов или назидательных повестей в духе ходячей прописной морали.

Такого именно, за немногими исключениями, характера вся литература о Меншикове. Романов, повестей, драм – прибавим, очень посредственных – мы можем насчитать массу как у нас, так и, главным образом, в западноевропейской литературе. Но более или менее полной научно обработанной монографии, посвященной Меншикову, у нас нет еще по настоящее время. Несколько страниц, посвященных ему в общих трудах Соловьева, Устрялова и Брикнера, да несколько журнальных статей, касающихся отдельных моментов его деятельности – вот и вся наша историческая литература о Меншикове. Такие биографии, какие мы находим в “Жизнеописаниях русских генералов” Бантыш-Каменского, в настоящее время являются совершенно устарелыми. То же можно сказать о краткой, совершенно

бесцветной биографии Меншикова, помещенной в “Истории России в жизнеописаниях ее деятелей” Костомарова. Единственная работа, заслуживающая серьезного внимания – “Жизнеописание А. Д. Меншикова” Есипова, представляющая к тому же не столько литературно обработанную биографию, сколько собрание разных, по большей части еще неизданных материалов для этой биографии, осталась, к сожалению, неоконченной и доведена только до 1710 года. Несмотря на обилие источников, относящихся к Петровской эпохе, многие моменты и даже периоды в жизни человека, привлекавшего всеобщее внимание современников, остаются до сих пор невыясненными. Меншиков еще ждет своего биографа, которому предстоит далеко не легкая задача – окончательно разобраться в огромной куче архивного материала, проверить многочисленные, подчас совершенно противоречивые иностранные источники и на основании добытых результатов всесторонне осветить как личность этого деятеля, так и его роль в великой эпохе преобразований.

В ожидании же такого капитального труда все, к чему мы можем стремиться в пределах нашего краткого очерка, составленного на основании одних только печатных материалов – это представить хоть в общих чертах картину жизни и деятельности этой высокоинтересной личности. При этом мы будем по возможности держаться одних только признанных бесспорными фактов, так как популярный характер очерка не позволяет загромождать его ссылками и критическим разбором источников.

Глава I

Вопрос о происхождении Меншикова. – Мальчик-пирожник. – Любимый денщик Петра Великого. – Поездка за границу. – Образование Меншикова. – Фаворит Алексашка и его первые шаги. – Его влияние на царя. – "Дитя сердца" Петра Великого

Уже с первых шагов при составлении биографии Меншикова мы наталкиваемся на серьезные и, по всей вероятности, даже непреодолимые трудности. Обычный прием биографов – прослеживать жизнь изображаемого лица чуть не с момента его рождения, искать объяснения уже сложившегося характера в условиях его воспитания, во влиянии наследственности и т. п. – оказывается в данном случае совершенно неприменимым. Дело в том, что у нас не только не имеется достоверных известий о родителях Меншикова, о годе и месте его рождения, но и все детство и юность человека, имя которого впоследствии гремело даже на Западе, время его появления при дворе, обстоятельства, при которых он сблизился с Петром, – все это представляет пока ряд страниц либо совсем белых, либо же испещренных такой массой легендарных подробностей, что разобраться в них с полной ясностью нет никакой возможности.

В самом деле, кто такой был Меншиков? Действительно ли знаменитый фаворит Петра Великого был тем "безродным баловнем счастья", каким он изображается во всех биографиях? Действительно ли человек, достигший звания первого министра и генералиссимуса, одно время полновластно управлявший Россией и даже чуть не основавший собственную династию, был такого низкого происхождения, что в молодости должен был продавать на улицах пирожки, как рассказывают многие современники?

Как ни легендарно звучат подобные рассказы, но в сущности из всего, что касается начала жизненного поприща Меншикова, только вопрос о его происхождении может считаться в настоящее время более или менее выясненным. Не подлежит никакому сомнению, что первый "светлейший князь" действительно происходил из простолюдинов, и можно даже вполне согласиться с мнением Соловьева, который и само предание о мальчике-пирожнике считает заслуживающим полного доверия. Мы позволим себе несколько подробнее остановиться на этом вопросе, так как решение его в том или другом смысле, помимо его чисто внешнего интереса, представляется нам довольно важным в психологическом отношении. Нет сомнения, что самые крупные пороки временщика – его безграничное честолюбие и

надменность, нажившие ему столько врагов, его ненасытная страсть к титулам и богатствам – в значительной степени объясняются его происхождением, свойственным всем выскочкам стыдом за свое прошлое, желанием пускать пыль в глаза, дабы во что бы то ни стало заставить окружающих забыть это прошлое.

Не говоря о бесчисленных баснях, распространявшихся на Западе еще при жизни князя разными, большею частью анонимными биографами, существуют два параллельных предания относительно его происхождения: одно – более распространенное, по которому будущий фаворит был сыном придворного конюха и мальчиком продавал на улицах пирожки; другое выводит его из знатной литовской фамилии. Последнее, по-видимому, находит себе полное подтверждение в дипломе императора Иосифа I от 1706 года, возводящем Меншикова в княжеское Римской империи достоинство, и в русском дипломе 1707 года, которым Петр дарует своему любимцу титул “светлейшего” князя Ингерманландского. Собственного говоря, эти два официальных документа должны были бы служить достаточным доказательством благородного происхождения Меншикова и заставить отнести все рассказы о придворном конюхе-отце “светлейшего” князя и о мальчике-пирожнике к области легенд. На деле, однако же, ни при жизни князя, ни впоследствии никто не придавал значения этим официальным удостоверениям, и во всех почти записках иностранцев, побывавших на русской службе, как и в донесениях послов, писавших, конечно, со слов окружавших их русских, мы встречаем, с небольшими лишь вариантами, известие о том, что всемогущий фаворит происходил из низших слоев общества. Что же касается пресловутого анекдота о пирожках, то его, правда, повторяют немногие, но зато он подтверждается свидетельством царского токаря Нартова, проведшего при особе Петра целых 12 лет и впоследствии назначенного членом Академии наук. Нартов именно рассказывает в качестве очевидца, что однажды царь, рассердившись на своего любимца, сказал ему: “Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние? Тотчас же возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и по улицам и кричи: “Пироги подовые!”, – как делывал прежде. Вон!” И вытолкал его из комнаты. Меншиков обратился к обычной своей заступнице Екатерине, и пока та, зная нрав своего супруга, старалась развеселить его, князь, чтобы доказать свое повиновение, подхватил на улице у пирожника кузов с пирогами, повесил на себя и в таком виде вернулся во дворец. Петр, между тем, успел уже успокоиться; при виде своего любимца он расхохотался и сказал: “Слушай, Александр, перестань бездельничать или хуже

будешь пирожника". Последовало примирение. Потом Меншиков пошел за императрицей и кричал: "Пироги подовые!" А государь вслед ему смеялся и говорил: "Помни, Александр!" – "Помню, Ваше Величество, и не забуду! Пироги подовые!"

По-видимому, между этим рассказом очевидца и официальными документами существует непримиримое противоречие. Но в сущности, как справедливо замечает Соловьев, это противоречие только кажущееся. Дело в том, что при сличении обоих дипломов мы замечаем между ними некоторое разногласие: по латинскому диплому императора Иосифа отец Меншикова был начальником гвардейского полка; в русском же упоминается лишь то, что отец служил в гвардии царя, причем один из служилых иноземцев, генерал Гордон, источник, вполне заслуживающий доверия, поясняет нам даже, в каком именно чине: по его словам, отец Меншикова был простым капралом. Без сомнения, диплом, выданный царем своему любимцу, заслуживает большего доверия, чем иностранный, и если в нем ничего не говорится о высоком звании отца новоиспеченного князя, то последнее, очевидно, следует приписать лишь любезности венского двора, желавшего задобрить влиятельного человека. Таким образом, из всех свидетельств, благоприятных Меншикову, приходится считаться лишь с русским дипломом, по которому отец князя был "из фамилии благородной литовской и, ради верных его услуг в гвардии, сын его был принят ко двору". А этот источник, как мы уже сказали, ничуть не противоречит общераспространенному преданию о низком происхождении Меншикова, о том, что отец его был одно время придворным конюхом. Известно, какое значение получили при Петре придворные конюхи; из них преимущественно сформировались потешные полки – Семеновский и Преображенский, впоследствии составившие первые два гвардейских полка в России. Вполне естественно, что бывший придворный конюх, попав в гвардию, дослужился до капрала. Что же касается его принадлежности к "благородной литовской фамилии", то и тут нет ничего несовместимого с популярным преданием. Со времени царя Алексея в Москве жило много выходцев из Литвы, принужденных бежать с родины вследствие гонений на православие. Одни из них поступали на службу при дворце, другие занимались мелкими промыслами. Известно, что в эпоху революции многие, даже знатнейшие французские эмигранты должны были зарабатывать себе хлеб каким-нибудь ремеслом. Что ж мудреного, что какой-нибудь выходец из мелкой литовской шляхты, представители которой в настоящее время встречаются и на самых низших общественных

ступенях, поступил в придворные конюхи, а сына отдал в учение к пирожнику. К тому же в то время почти все мелкие служилые люди занимались какими-нибудь промыслами.

Впрочем, этими известиями и соображениями и исчерпывается все, что мы можем с некоторой достоверностью сказать о происхождении Меншикова. О годе и месте его рождения также не имеется точных данных. По одним известиям, он родился близ Владимира, по другим – в Вологодской губернии, по третьим – в Московской. Год его рождения обыкновенно определяют по дневнику голштинского камер-юнкера Берхгольца, сообщающего, что 6 ноября 1723 года праздновали день рождения князя, которому исполнилось 50 лет. Следовательно, Ментиков родился в 1673 году и был на полтора года моложе Петра. Имеются, однако, другие данные, относящие его рождение к другому году. Голиков, например, утверждает, что Меншиков был старше Петра на 2 года, следовательно, родился в 1670 году.

О первом появлении будущего фаворита при дворе опять-таки не известно ничего достоверного. В грамоте 1707 года говорится, что Меншиков взят к Петру “с юных лет”, но когда именно и при каких обстоятельствах – об этом сохранились одни лишь предания. Некоторые иностранцы рассказывают, что он перешел к царю от Лефорта. Красивый бойкий мальчуган, обыкновенно предлагавший свой товар с какими-нибудь остроумными прибаутками и шутками, обратил на себя внимание Лефорта, который и взял его к себе в услужение. Петру, часто бывавшему запросто у своего тогдашнего любимца, также понравился проворный мальчик, и так как Лефорт не мог нахвалиться его смышленостью и преданностью, то царь пожелал взять его к себе[1]. Все это если не верно, то по крайней мере правдоподобно. Положительно же известно только то, что Меншиков служил в Преображенском полку при самом его учреждении, а следовательно, в потешных (впервые имя молодого фаворита упоминается в списках этого полка в 1693 году, причем он числится бомбардиром), и что он в то же время в течение нескольких лет исполнял при Петре должность денщика.

В этой-то должности смышленый и ловкий юноша имел все шансы сблизиться с молодым царем. Денщики были самые близкие к Петру люди, исполнявшие самые разнородные поручения его. Они попеременно дневали и ночевали при нем, и Петр, при своей ненасытной любознательности и кипучем нраве, заставлявшем его безотлагательно приводить в исполнение всякую приходившую ему в голову затею, имел полную возможность узнавать на деле способности окружавших его

молодых людей, их понятливость и пригодность к тому или другому роду деятельности. Денщики во все царствование Петра играют большую роль при дворе: из них вышли, между прочим, и такие “птенцы гнезда Петрова”, как знаменитое “око государево”, генерал-прокурор сената Ягужинский, первый полицмейстер Петербурга Девьер и др. Что же касается Меншикова, то он, по-видимому, очень скоро стал пользоваться особым расположением царя, все более возраставшим по мере того, как Петр убеждался на деле в его разносторонних способностях. Остроумный, находчивый и расторопный, при каждом случае выказывавший свою беспредельную преданность государю и редкую способность угадывать его волю с полуслова, Меншиков мало-помалу успел так сильно привязать к себе Петра, что тот совершенно не мог обходиться без него. Любимый денщик должен был находиться при царе безотлучно и даже спал у его кровати. В Азовском походе Петр и Меншиков жили вместе в одной палатке. Когда в 1697 году Петр затеял небывалую в русской истории поездку царя за границу, его сопровождал и Меншиков. Вместе с царем последний обучался в Голландии корабельному мастерству, в котором показал большие успехи, и в один и тот же день корабельный мастер Геррин-Клас-Поль выдал обоим аттестаты на звание плотника. Из Голландии Меншиков ездил с Петром в Англию, оттуда опять в Голландию и Вену. Он был и в числе тех семи волонтеров, которые должны были сопровождать царя в Венецию; на его имя даже взят был у венецианского посла проезжий лист. Но весть о возмущении стрельцов расстроила этот план, и Петр с Меншиковым поспешили вернуться.

Каковы были плоды этой поездки, как подействовало на Меншикова все виденное и слышанное в новом, столь чуждом ему мире, что вынес он оттуда по части своего умственного обогащения, помимо знакомства с корабельным делом? Все это вопросы, на которые мы не можем дать прямого ответа. Относительно образования будущего министра и фельдмаршала мы знаем достоверно только одно – что Меншиков, если и не был совершенно безграмотен, как утверждают многие, то во всяком случае не умел писать. Сохранились две расписки, от 1702 и 1704 годов, о получении им жалованья по званию корабельного мастера; в одной его рукой сделана надпись: “Александр Меншиков принял”, в другой – “Взял и списался”. Но за исключением этих двух документов, в бумагах Меншикова не сохранилось ни одной строчки, написанной его рукой; во всех его письмах, даже самых секретных, только подпись принадлежит ему, да и та нацарапана такими каракулями, что только посвященный в состоянии разобрать ее. Из иностранных языков

Меншиков знал один немецкий, которому научился, конечно, по слуху и, по всей вероятности, еще до поездки, в Немецкой слободе. “В великом муже и полководце, каким он почитается, – иронически замечает по этому поводу датский посланник Юст Юль, познакомившийся с Меншиковым в 1710 году и отзывающийся довольно пренебрежительно о способностях всемогущего тогда князя, – такая безграмотность особенно удивительна”.

Совершенно понятно, что образованный европеец был на первых порах поражен подобным отсутствием самого элементарного образования у первого сановника в государстве и особенно его влиянием на человека, в такой степени ценившего образование, как Петр. Но для нас сам факт этого влияния, не подлежащий никакому сомнению, служит лучшим доказательством того, как высоко ценил царь природные дарования Меншикова, его энергию, находчивость и безусловную преданность.

Впрочем, недостаток даже элементарного образования не исключал еще для Меншикова возможности расширить свой кругозор, приобрести многие необходимые ему знания и вообще развиваться путем практическим. Ведь и сам Петр не получил в юности сколько-нибудь удовлетворительного образования, и если впоследствии он изумлял даже образованных европейцев обширностью и разносторонностью своих сведений, то это следует всецело приписать его страстной любознательности, его чуткому, необыкновенно восприимчивому уму, черпавшему для себя пищу отовсюду, учившемуся от жизни еще более, чем из книг. Такую же восприимчивость, хотя и в более слабой степени, надо предположить и у Меншикова. Любимец царя, его неразлучный спутник и товарищ как в разгуле, так и в трудах, Меншиков учился и развивался наравне со своим царственным другом, проходил, под его руководством, одну с ним школу. Попав к нему с улицы, поглощенный трудной службой требовательному и нетерпеливому господину, при котором должен был находиться безотлучно, Меншиков не имел возможности подготовиться к своей будущей роли путем теоретическим. Но именно эта постоянная близость к Петру, бравшему его с собою и в мастерские, и в музеи, и на придворные празднества, устраивавшиеся в честь знатного путешественника за границей, необходимость приглядываться и прислушиваться ко всему окружающему и уяснить себе все виденное и слышанное, хотя бы только для того, чтобы угодить царю, чтобы быть в состоянии понимать и даже предугадывать его желания – все это не могло не отразиться на развитии богато одаренного от

природы молодого человека, и можно a priori[2] сказать, что Меншиков вернулся на родину с более широким умственным горизонтом, с большим запасом идей и знаний, чем до отъезда.

Несомненно также, что новый царский любимец, каким он уже считался в то время, вполне разделял и поддерживал в Петре его преобразовательные идеи, его намерение все переделать у себя на иностранный лад. По всей вероятности, увлечение Западом со стороны Меншикова было вполне искренним, так как в нем оно не сталкивалось с той косностью, с тем уважением к старым традициям, которые заставляли других, более родовитых спутников Петра, смотреть на иноземцев и на все иноземное с недоверием и пренебрежением. Меншиков в полном смысле слова – новый человек; его ничто не связывает со стариной; он знает только волю своего повелителя и применяется к ней тем охотнее, что новые порядки ему на руку, так как открывают новые горизонты его пробуждающемуся честолюбию.

И действительно, тотчас же по возвращении из-за границы Меншиков начинает играть при дворе заметную роль. У него по-прежнему еще нет никакого официального звания, но он участвует во всех новых затеях царя, и там, где другие русские люди проявляют одну лишь пассивную покорность, обнаруживает энергию и пыл, свидетельствующие о том, что он вполне проникся намерениями царя.

Начались нововведения. На первом же приеме по возвращении из чужих краев Петр, среди разговоров и приветствий, набрасывается на близких бояр с ножницами в руках и собственноручно обрезает им бороды. То же самое проделывает Меншиков с членами ратуши и приводит остриженных на показ царю в Успенский собор. Во дворце у него шьют французские и итальянские кафтаны для приближенных и прислуги. Устраивается Семеновский полк – Меншиков шьет для него знамена.

Впрочем, та же исполнительность, то же старание угодить государю замечаются и в таких случаях, которые рисуют Меншикова в очень непривлекательном свете. Одновременно с нововведениями в одежде, с гонением на бороды начинаются страшные стрелецкие розыски и казни. Это, как известно, самые мрачные страницы в русской истории со времен Грозного… Ожесточенный новым возмущением своих старых врагов, не раз уже злоумышлявших против его жизни, видя в них постоянный, неиссякаемый источник смут и заговоров, Петр решил совершенно уничтожить стрелецкое войско и обнаружил в расправе с мятежниками неслыханную жестокость. Он не только присутствовал при допросах и пытках стрельцов, но, по словам

некоторых современников, сам действовал топором и собственноручно отрубил в Преображенском головы пятерым стрельцам. Меншиков и в этом подражает своему повелителю. Не имея никаких личных причин разделять ожесточение Петра, он, однако, не уступает ему в жестокости и расправляется со стрелецкими головами со столь же легким сердцем, как и с бородами чиновников. Очевидцы рассказывают, что 17 октября, в день особенно многочисленных стрелецких казней, царь заставлял и бояр исполнять роль палачей. Те повиновались, но – бледные, с трясущимися от ужаса руками; иностранцы же – Блюмберг и Лефорт – наотрез отказались, говоря, что в их землях этого не водится. Один только “царский любимец Алексашка” хладнокровно и с изумительной ловкостью принимал участие в кровавой расправе. Он сам хвалился потом, что в этот день обезглавил 20 человек, а одного, стонавшего на колесе, по приказанию Петра пристрелил из фузеи.

Все это, конечно, производит теперь отталкивающее впечатление, рисует Меншикова как человека с очень невыгодной стороны. Но не так смотрел на дело Петр. Встречая со всех сторон явное или плохо скрываемое неодобрение, ропот и в лучшем случае только пассивное повиновение, он не мог не ценить человека, обнаруживавшего такое живое сочувствие к нему, такое понимание его планов, исполнявшего всякое его приказание так толково, охотно, не щадя ни себя, ни других. Что бы ни затеял Петр, он всегда находил в Меншикове энергичного и ловкого исполнителя, схватывавшего его мысль с поразительной легкостью. Этот ничему не учившийся человек все понимал, ко всему применялся. Со сметливостью истинно русского человека он быстро усваивал суть всякого нового дела, не гнушался никакой работой, не знал невозможного. К тому же он умел, как никто, льстить вкусам и слабостям государя. При таких условиях немудрено, что первоначальное простое расположение царя к образцовому денщику становилось все сильнее, переходило в более глубокое дружеское чувство и что вместе с тем ловкий, вкрадчивый любимец незаметно приобретал все большее и большее влияние на своего повелителя.

В записках иностранцев попадаются заметки, свидетельствующие о том, как сильно уже в то время было влияние царского любимца. Так, однажды, вскоре после возвращения из-за границы, в 1698 году, на пиру у Лефорта царь стал упрекать Шеина за неправильное производство офицеров во время его отсутствия и пришел в такой гнев, что чуть не изрубил виновного саблей. Любимцы Петра, Никита Моисеевич Зотов и князь Ромодановский, пытались успокоить его, но первому

достался удар в голову, а второму Петр пересек пальцы почти до половины. Не помогло и заступничество Лефорта, которому также досталось несколько ударов. Дело могло бы кончиться очень плачевно для несчастного Шеина, но тут неразлучный с царем Алексашка увел Петра в другую комнату, и скоро тот вернулся к компании в веселом настроении.

Сцены, вроде описанной, без сомнения, повторялись не раз и еще более скрепляли связь между царем и Меншиковым. Петр, всегда охотно признававший свои ошибки, конечно, должен был чувствовать признательность к человеку, удержавшему его вовремя от поступка, в котором ему потом пришлось бы раскаиваться, и эта признательность была тем более заслужена, что противоречить царю, когда он был не в духе, было далеко не безопасно даже для его любимца. Случалось, что царь и его под сердитую руку угощал жестокой потасовкой[3].

Впрочем, как ни заметно уже было в то время влияние Меншикова, он все еще числился только сержантом Преображенского полка и, вероятно, по-прежнему исполнял при царе обязанности денщика. Из сохранившегося письма к нему Петра от 1700 года видно, что он заведовал и домашним хозяйством царя.

“Мейн Герценкинт (дитя моего сердца)! – пишет ему Петр. – Вели вычистить везде и починить. Также вели в спальной сделать пол липовый, да и в других вели новые полы переделать. Также вели пиво слободское и другое Андреева в лед засечь. Также вели сделать вновь погреб под тем местом, где бот стоит или где старая баня. Также и во всем осмотри и прикажи. А сам для Бога не мешкай, а для чего, сам знаешь. За сим передаю вас в сохранение всех хранителя Бога”.

Что этот расторопный денщик, мастер на все руки, займет когда-нибудь первое после царя место в России – это, конечно, никому и в голову не приходило. Для всех – и русских, и иностранцев – он пока не более как любимый слуга, который имеет подчас влияние на государя и которого поэтому не мешает задобрить на случай нужды. Генерал Гордон в своих записках от 1694 года рассказывает, что в праздник Рождества к нему пришли для поздравления некий Ермолай Данилович, “известный Алексашка” и другие, и что первому он подарил червонец, а прочим, в том числе и “известному Алексашке”, всего по талеру. В описываемое время, по возвращении из чужих краев, Меншикову, надо полагать, не предложили бы уже одного талера, но и теперь, как мы видели, он для всех только “известный Алексашка”, любимый камердинер и не более. Сам Петр, конечно, более высокого мнения о своем Алексаше. “Дитя моего сердца” –

называет он его в вышеприведенном письме, и это обращение, в связи со многими другими чертами, кажется нам очень характерным. В нем слышится какая-то особая сердечность, что-то действительно отеческое, словно Петр, пользуясь пока услугами своего любимца лишь в делах домашнего обихода, предназначает его в будущем к более широкой деятельности, словно он видит в нем своего ученика, подающего большие надежды. Пока эти надежды еще не оправдались на деле, пока ученик не проявил себя на чем-нибудь существенном, Петр, ставивший всегда на первый план интересы государства, награждавший не лица, а заслуги, не станет награждать его чинами, выделять из среды других. Напротив, выказывая ему открыто свое расположение, он в то же время не хочет возбуждать в нем чрезмерных надежд, сдерживает его разрастающееся честолюбие. “Когда кто-то из придворных, – рассказывает Корб, – ходатайствовал перед царем, чтобы он своего любимца возвел в дворянское достоинство и дал ему звание стольника, царь отвечал, что Александр уже и без того присваивает себе почести, на которые не имеет права, и что надобно уменьшать в нем честолюбие, а не увеличивать его”. Но эта сдержанность со стороны Петра соблюдается только до поры до времени. Как только заслуги его любимца станут явными для всех, царь не пожалеет для него никаких почестей, будет награждать его с истинно царскою щедростью.

Глава II

Великая Северная война.– Возвышение Меншикова.– Меншиков – губернатор Петербурга. – Награды и милости. – Ментиков в Литве. – Победа при Калише. – Меншиков – "светлейший" князь. – Победа под Лесным; взятие Батурина; Опошня, Полтава, Перевалочная. – Меншиков-фельдмаршал. – Военные заслуги Меншикова. – Отзывы о нем современников; их пристрастность. – Общая ненависть к фавориту

Начавшаяся в 1700 году Северная война, имевшая такие громадные последствия для России, является также поворотным пунктом в жизни Меншикова, которому открыла путь к возвышению.

Известны главные фазисы этой войны. После первых поражений, понесенных неопытным русским войском, Петр не упал духом и, действуя более осторожно, набираясь опыта и сил, постепенно научился побеждать своих "учителей" – шведов. В то время как Карл XII, презирая противника, которого без всякого труда разбил при Нарве, обратил все свои силы против более опасного, на его взгляд, Августа, Петр, пользуясь тем, что "швед увяз в Польше", стал прочищать себе путь к Балтийскому морю. Один за другим сдавались ему плохо защищенные города Лифляндии и Ингрии. Главным начальником русских войск был Борис Петрович Шереметев, но при войске находился сам царь – бомбардирский капитан Петр Михайлов – и поручик Меншиков (в поручики он был произведен после Нарвского сражения, в котором также принимал участие), и одна из первых побед русского оружия была одержана при их содействии. 11 октября 1702 года сдался Петру Нотебург, переименованный Петром в Шлиссельбург, и Меншиков, выказавший при штурме крепости особенную храбрость, был назначен ее комендантом. В следующем году он участвовал во взятии Ниеншанца, маленького городка, сторожившего устье Невы, а спустя несколько дней (10 мая 1703 года) одержал вместе с Петром морскую победу над шведами. Победа была в сущности незначительная – русским удалось на лодках окружить и взять два шведских корабля, подошедших к устьям Невы; но это был первый наш успех на море, и Петр с особенной радостью поздравил своих сподвижников с "никогда не бывалой викторией". За это дело Меншиков наравне с царем были пожалованы от адмирала Головина орденом Андрея Первозванного. 16 мая того же года на одном из островов шведского устья был заложен новый городок, который должен был служить пристанищем иностранным

кораблям. Это и был знаменитый “парадиз” Петра Великого, его “окно в Европу”, новая столица России – Петербург. Один из больверков нового укрепления, раньше всех других выстроенный Меншиковым, назван по его имени, и скоро на Петербургской стороне, против царского дворца, известного теперь под названием “домика Петра Великого”, выстроился и дом для Меншикова, получивший название Посольского двора, так как в нем принимались иноземные послы. Первым губернатором Петербурга и вновь завоеванного края назначен Меншиков.

Уже со времени своего назначения комендантом Шлиссельбурга Меншиков получает возможность действовать более самостоятельно. Петр, дотоле неразлучный со своим любимцем, уезжает в Москву, и последний, оставшись один на театре военных действий, с честью исполняет возложенные на него обязанности. На берегах Невы он отбивается от шведов, ездит в Олонецк, где занимается приготовлениями к постройке флота, необходимого для отнятия у шведов устья Невы. А у губернатора Петербурга еще больше дела. Устройство нового города и защита только что покоренного края, на который шведы в продолжение нескольких лет делали беспрерывные нападения, требуют неутомимой деятельности. Благодаря энергии и распорядительности Меншикова новый городок, заложенный на пустынных устьях Невы, начинает быстро обстраиваться; появляется ряд домов для царя и его вельмож на Васильевском острове, и уже в ноябре того же года к нему пристает первый иностранный корабль. В июле Меншиков поехал на Свирь, где нашел леса, пригодные для постройки кораблей, и при Лодейном поле заложил верфь, известную впоследствии под названием Олонецкой; здесь строились военные суда, предназначавшиеся в Финский залив. Ему же предоставлено было построение Кроншлота и Кронштадта, который должен был служить местопребыванием создаваемого военного флота.

Первые успехи Меншикова на военном и административном поприщах являются, как мы уже сказали, началом нового фазиса в его жизни. “Известный Алексашка”, сделавшись губернатором Меншиковым, выходит окончательно на страницы истории. Его природные способности, до сих пор проявлявшиеся лишь на мелочах, находят себе, наконец, достойное применение и начинают быстро развиваться. По отношению к Петербургу можно смело сказать, что новая столица России обязана своим созданием столько же творческой мысли государя, сколько энергии, распорядительности и умению своего первого губернатора.

И в отношениях Петра к его любимцу замечается новый

оттенок. Блестящие результаты, полученные благодаря деятельности Меншикова в новом крае, окончательно убеждают царя, что он не ошибся в своем выборе. Денщик Меншиков недаром прошел военную школу в потешных ротах, недаром брал уроки кораблестроительства у саардамских плотников. “Дитя сердца” начинает оправдывать возлагавшиеся на него надежды и мало-помалу становится настоящим сотрудником царя-преобразователя. Любопытно, что эта постепенная перемена в отношениях Петра к любимцу сказывается и в его обращении к последнему в письмах. Свои повеления главным сподвижникам Петр надписывал обыкновенно собственноручно – по-голландски или по-немецки: Min Her Kenih, – писал он князю Ромодановскому; Борису Петровичу Шереметеву он обыкновенно писал: Min Her General-Feldmarscal, другим просто Min Her. Обращение же к Меншикову не только лишено всякой официальности, но и отличается любопытным разнообразием и последовательностью в эпитетах. До 1703 года он называет его “Мейн Герц” и “Мейн Герценкинт”, в 1704 году мы встречаем в письмах царя эпитеты “Мейн либсте Камарат”, “Мейн либсте Фрейнт”, а потом постоянно до конца 1706 года “Min Bruder”[4]. Быть может, эта перемена в обращении совершенно бессознательная, но от этого, на наш взгляд, она является не менее характерной.

Теперь, когда заслуги любимца не подлежат больше сомнению, Петр, по-видимому, не считает уже нужным сдерживать его честолюбие. Награды и милости сыплются на него без конца. Между прочим, он назначается даже гофмейстером царевича Алексея. В том же 1703 году Петр, отправляясь в Воронеж, останавливается в обширной и красивой даче Меншикова, при истоке реки Воронежа, и основывает для своего любимца город Ораниенбург. Меншиковым начинают серьезно интересоваться и за границей. Еще в 1702 году император австрийский Леопольд, желая оказать внимание царю, с которым добивался союза, возвел его фаворита в достоинство имперского графа. Это был только второй случай, когда русский становился графом Римской империи – первым графом был генералиссимус и великий адмирал Головин. Но продолжающаяся война открывает Меншикову все новые и новые пути к возвышению.

В 1705 году театр военных действий переносится в глубь Литвы, и Меншиков, вызванный туда царем, пожинает новые лавры. Теперь он уже начальник кавалерии и хотя по рангу занимает второе место в армии, так как состоит под начальством фельдмаршала Огильви, но в сущности заправляет всем. Огильви в своих донесениях царю постоянно жалуется на самоуправство

“принца Александра”, как он называет любимца, на то, что генералы, особенно русские, рапортуют прежде последнему, чем ему. Но Петр, разобрав жалобы, обыкновенно принимает сторону Меншикова и даже велит иногда самому фельдмаршалу слушаться его приказаний. “Также не забывайте, – пишет он Огильви, находящемуся в Гродно, – слов *господина моего товарища,* который приказывал вам при отъезде своем, чтобы вы больше целость войска хранили, нежели на иных смотрели”. В июне 1706 года Огильви, которым Петр был недоволен за его действия в Гродно, увольняется из русской службы, и вскоре после этого Меншиков блестящей победой над шведами доказывает всему свету, что русское войско не нуждается более в наемном фельдмаршале: 18 октября того же года, в битве при Калише, он разбивает наголову 30-тысячное неприятельское войско под начальством генерала Мардефельда. “Не в похвалу себе вашей милости доношу, – писал он Петру, – такая была баталия, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились, и зело чудесно видеть, как все поле устлано мертвыми телами...” Заслуги Меншикова в этом деле тем выше, что он имел в своем распоряжении только корпус кавалерии, считавшейся тогда самой слабой стороной русской армии, но он пополнил недостаток пехоты тем, что велел спешиться двум драгунским полкам, и сам со шпагой в руке повел их в атаку. Интересно, что в битве этой должен был участвовать и польский король Август, за несколько дней перед тем тайно заключивший с Карлом Альтранштадтский мир. Лицом к лицу с Меншиковым король не осмелился объявить о своем отказе от союза с Петром. Он пытался уговорить его не дать сражения, но Меншиков твердо объявил, что, совершив такой далекий поход и подойдя к неприятелю на расстояние мили, не хочет возвращаться, не посмотрев на него поближе. Volens-nolens[5] пришлось бедному королю принять участие в сражении, а потом совершать вместе с победителем благодарственные молебны по случаю победы над своим новым союзником.

За это славное дело Петр отблагодарил Меншикова подарком трости, украшенной драгоценными каменьями (стоимостью в 3064 руб. 16 алт. 4 деньги, как значится в расходной книге посольского приказа). Король Август со своей стороны пожаловал ему вотчины Полонное и Межеричи.

В том же году Меншиков был возведен в достоинство князя Римской империи, о чем особенно усердно хлопотал при венском дворе воспитатель царевича, барон Гюйсен, а 30 мая 1707 года, в день своего рождения, Петр, находясь в местечке Казимирове, пожаловал Меншикова Всероссийским князем Ижорской земли с

титулом “светлейшего”, причем города Копорье и Ямбург, лежащие в этом княжестве, были отданы ему в вечное потомственное владение.

Сражение при Калише было первой правильной битвой, выигранной русскими у непобедимых до сих пор шведов. С этого времени военное счастье начинает изменять последним. Несмотря на победу под Головчиным, несмотря на постоянное отступление русских, Карл начинает сознавать, что напрасно презирал этого противника, и считает уже нужным заручиться против него союзником в лице малороссийского гетмана. Любопытно, что когда после Альтранштадтского мира явился вопрос, куда именно направится теперь Карл, которому оставалось только покончить с русскими, один только Меншиков угадал его намерения. Одни из генералов полагали, что Карл направится на Петербург; это мнение разделял и сам Петр. Другие ожидали, что он пойдет на Москву, что было тоже очень правдоподобно. Один Меншиков выразил предположение, что шведы вступят в Малороссию. Никто с ним не соглашался, но последствия доказали, что его предположение было верно. Впрочем, Петр по его совету еще раньше укрепил Киев.

Не входя в подробности касательно хода войны и военных действий Меншикова, укажем только на победу под Лесным, одержанную им вместе с Петром над 16-тысячным войском Левенгаупта, спешившим из Лифляндии на соединение с Карлом, причем победителям достался весь огромный обоз шведов, на который так рассчитывал король. Еще важнее было взятие Батурина. Как только была получена весть об измене Мазепы, Меншиков, по поручению Петра, поспешил к гетманской столице и взял ее приступом почти на глазах у шведов, находившихся всего в 6 милях. Удачное исполнение этого поручения имело громадные последствия для России. Малороссия, устрашенная разгромом Батурина, не взбунтовалась, как ожидали Карл XII и Мазепа; и шведы, рассчитывавшие на поддержку казацких полков и на богатые хлебные магазины Батурина, поняли наконец, какую громадную ошибку совершили они, зайдя так далеко в неприятельскую страну, где они были совершенно отрезаны от родины.

Но самым славным, самым блестящим делом в этой войне, делом, с которым неразрывно связано и имя Меншикова, была знаменитая Полтавская битва. Благодаря искусному образу действий Петра, благоразумно уклонявшегося до сих пор от генерального сражения, но ослаблявшего неприятеля мелкими стычками и победами над отдельными отрядами, шведы не представлялись уже более такими страшными противниками, как

в начале войны. Прежний ореол непобедимости исчез. Войско Карла XII значительно убавилось, к тому же терпело недостаток во всем, так как Меншиков, отступая перед неприятелем, жег и опустошал все на своем пути. Шведы находились теперь в таком же положении, как французы в 1812 году. Они рассчитывали найти отдых и изобилие в Малороссии, но и эта надежда не оправдалась. Оставался один только исход – заставить Петра во что бы то ни стало принять генеральное сражение и победить его, чтобы не умереть с голоду. Но и Петр должен был, наконец, решиться сразиться с непобедимым Карлом, так как продолжать отступать при прежних условиях означало разорять собственную страну.

В апреле 1709 года Карл осадил Полтаву. Около двух месяцев простоял он у этого города, где надеялся найти большие запасы. Полтавский комендант Келин мужественно отражал все приступы и даже сам делал смелые вылазки против неприятеля. Однако долго держаться он не мог: необходимо было усилить гарнизон. И вот Ментиков задумывает и приводит в исполнение ловкую диверсию. Напав внезапно (7 мая) на один из шведских отрядов, стоявших под Опошней, и вытеснив его из ретраншементов, он отвлек внимание неприятеля от города, и в то время, как он преследовал разбитых шведов и как к ним спешил на помощь сам король, русские с другой стороны проникли в Полтаву и усилили ее гарнизон на 1200 человек.

Наконец, решительный момент, одинаково нетерпеливо и с тревогой ожидаемый теперь обеими сторонами, наступил. Петр приехал к войску, и 27 июня “грянул бой, Полтавский бой...” Битва началась в 9 часов утра, и через 2 часа все было кончено. Петр и Меншиков распоряжались в огне; шляпа на Петре и седло его были прострелены; под Меншиковым, командовавшим левым крылом, убиты 3 лошади. Карл, раненный накануне в ногу, велел возить себя в носилках между рядами войск. Вдруг ядро ударило в носилки, и король упал на землю. Пронесся слух, что он убит. Паника быстро распространилась между рядами, уже сильно поколебавшимися от натиска русских, и – “непобедимые” бежали.

“Победа при Полтаве, – говорит Соловьев, – была одним из величайших всемирно-исторических событий; могущество шведов, созданное искусственно, посредством завоеваний, было сокрушено; исчезла завеса, скрывавшая Россию от остальной Европы, и перед изумленными народами Запада явилось новое, обширное и могущественное государство, умевшее победить вождя и войско, считавшееся до сих пор непобедимым. При громе Полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни, новый великий народ”.

Победители от радости забыли о неприятеле и принялись пировать. Петр обедал в палатке Меншикова со всеми своими министрами и пленными шведскими генералами. Но на другой день Меншиков отправился в погоню за уцелевшими шведами и 30-го настиг Карла XII у Переволочны. Сам король успел бежать на другую сторону Днепра, но генерал Левенгаупт, командовавший остатками шведской армии (10 тысяч человек), сдался в плен Меншикову.

Еще на поле битвы при Полтаве Петр, пред лицом всего войска, признал заслуги Меншикова в этом славном деле и пожаловал его в фельдмаршалы. Сверх того Меншиков получил во владение города Почеп и Ямполь.

Полтавское сражение завершает собою период самой блистательной деятельности Меншикова как полководца. В течение 9 лет, истекших со времени объявления Северной войны, сержант Меншиков успел дослужиться до звания фельдмаршала, безродный денщик “Алексашка” превратился в “светлейшего князя”, в богатейшего и могущественнейшего вельможу своего времени. Карьера поразительная, неслыханная, настоящее сказочное превращение!.. Но после всего, что нам известно уже о необыкновенной привязанности к нему царя, невольно возникает вопрос: в какой степени это быстрое возвышение было заслужено Меншиковым, и не обязан ли он своей славой полководца пристрастному отношению Петра, который, правда, отличался редкой проницательностью и умением выбирать своих людей, но все же в данном случае мог значительно преувеличивать заслуги своего любимца?

В настоящее время, при том обилии данных, какое имеется в нашем распоряжении для оценки деятельности Петра и его сподвижников, решение этого вопроса не представляет больших трудностей и может рассматриваться только в благоприятном для Меншикова смысле. Блестящий успех, каким сопровождались все военные действия князя, его энергичная и умелая деятельность в качестве администратора завоеванного края доказывают лучше всего, что Петр награждал и возвышал Меншикова не как любимца, а как одного из самых верных, знающих и деятельных своих сотрудников. Тем не менее не подлежит сомнению, что большинство современников относилось к заслугам “светлейшего князя” более чем скептически и видело в нем только редкого баловня счастья, возвышенного царем по непонятному капризу.

Считаем небезынтересным привести тут три характеристики Меншикова, сделанные в описываемый период тремя иностранцами, представителями разных держав.

В 1705 году английский чрезвычайный посол Витворт, на

которого возложена была миссия хлопотать при русском дворе о предоставлении английским купцам разных торговых монополий, в том числе и табачной, делает следующую характеристику царского фаворита:

“Это человек очень низкого происхождения, необыкновенно порочных наклонностей, вспыльчивый и упрямый. Мне передавали из достоверного источника, что он не умеет ни писать, ни даже читать. Низкое происхождение не дало ему случая получить образования, а прямое возвышение на высшие должности, помимо всякого подчиненного положения, лишило его возможности сделать личные наблюдения или научиться чему-нибудь из собственного опыта. Между тем, он своим рвением и вниманием к царской воле сумел войти в беспримерную милость к царю; он состоит дядькой его царевича, губернатором Ингрии, да собственно и всего государства Московского, в котором ничто не делается без его согласия, хотя он, напротив, часто распоряжается без ведома царя, в полной уверенности, что распоряжения его будут утверждены. Он заявляет притязания на такую же неограниченную власть в армии, что уже не раз вызывало и, вероятно, еще не раз вызовет серьезные столкновения с фельдмаршалом Огильви...”

В 1708 году (в донесении от 17 сентября) Витворт, несмотря на победу, одержанную Меншиковым при Калише, по-видимому, ничуть не переменил своего прежнего мнения о нем:

“Величайшее горе царя – недостаток хороших генералов, – пишет он, – фельдмаршал Шереметев, человек, несомненно обладающий личной храбростью, до сих пор не имел дела с регулярной неприятельской армией и недостаточно опытный. Князь А. Меншиков, командующий кавалерией, второй по рангу, но первый по значению. Его влияние на гражданские и военные дела безгранично, так как царь обыкновенно следует его решениям, подчас даже вопреки собственному мнению... характер его вообще очень непривлекательный. Для военного дела он не обладает ни *знанием,* ни *опытностью,* ни *способностью научиться чему-нибудь,* ни *храбростью* в деле, что ясно выразилось в недавнем беспорядочном отступлении от Вислы к Днепру”.

В пояснение этой более чем нелестной характеристики необходимо заметить, что Меншиков всячески противодействовал Витворту в его миссии и особенно отговаривал царя от предоставления англичанам табачной монополии, которою, по словам посла, хотел завладеть сам. Но и не зная об этих личных счетах, нетрудно заметить явную недоброжелательность и даже неискренность автора. Еще понятно, когда Витворт говорит о недостатке опытности у Меншикова в 1705 году, хотя у

последнего есть уже довольно продолжительное военное прошлое, начиная от Нарвы, хотя тот же Меншиков и до этой войны побывал уже в деле – именно под Азовом, а ведь известно, что война для людей с соответствующими способностями – самая лучшая и быстро развивающая эти способности школа. Но можно ли было искренне говорить о недостатке опыта и в 1708 году, после Калиша и целого ряда более или менее удачных действий? Как бы то ни было, Меншиков скоро – в сражении под Лесным, а потом в деле при Опошне и при Полтаве, должен был убедить всех скептиков, что он обладает и “способностью научиться чему-нибудь, и храбростью в деле”.

Но вот мы открываем другой источник и находим, хотя и менее резкий, но в общем довольно сходный отзыв о том же лице. В недавно только найденных в Копенгагенском архиве и опубликованных в русском переводе записках датского посланника Юста Юля, пробывшего при русском дворе от 1709 до 1711 года, мы находим, рядом с сообщением о низком происхождении князя и его страшном честолюбии, следующее замечание: “Уровень ума его средний и во всяком случае не соответствующий тем многочисленным и важным должностям, которые он занимает”. Особенно, как мы уже заметили, Юля поражает необыкновенная “в великом муже и полководце, каким его почитают”, безграмотность Меншикова.

Еще один отзыв, относящийся к тому же периоду.

Некий швед Мальм, попавший к русским в плен при взятии Выборга в 1710 и в 1714 годах, вернувшись на родину, написал сочинение о состоянии России при Петре Великом. (Сочинение это осталось ненапечатанным, но содержание его со слов профессора Шюбергсена вкратце излагается Гротом). Раздраженный пленом, вопреки обещанию Апраксина свободно пропустить сдавшихся, Мальм обнаруживает большую резкость в суждениях о русских, но особенно строго отзывается о Меншикове. По его словам, последний не имеет необходимых полководцу сведений и обходится без них только благодаря своей смелости, изворотливости и присутствию духа. Он всячески старается привлекать к себе генералов и других высших офицеров, но при всей своей ловкости и осторожности не может прикрывать тех ошибок и промахов, в которые ежедневно впадает по военной службе.

Его завистливость и козни служат одним из главных препятствий дальнейшему развитию русской армии...

Как ни красноречиво на первый взгляд подобное единодушие в отзывах об одном и том же лице, но после всего сказанного мы не считаем нужным подробно доказывать их несостоятельность.

Если Меншиков так мало смыслил в военном деле, если уровень его ума далеко не соответствовал доверенным ему должностям, то как мог Петр так долго оставаться в заблуждении на его счет, Петр, для которого интересы дела стояли всегда выше всяких личных привязанностей и который не отрешал своего любимца от должностей даже в то время, когда привязанность его к “герценкинду” значительно поубавилась? Наконец, как объяснить успех, сопровождавший почти все действия Меншикова? Конечно, можно было бы приписать его исключительно гению Петра, вдохновлявшего своих сподвижников, набрасывавшего для них план действий, которому оставалось только следовать без рассуждений, чтобы получать блестящие результаты. Так, по-видимому, и рассуждали иностранцы. Необыкновенная личность Петра, его мощный ум, железная энергия, его почти сверхчеловеческая неутомимость производили такое сильное, такое обаятельное впечатление на пораженных европейцев, что все окружающие царя сподвижники совершенно стушевывались в их глазах по сравнению с последним, казались им совершенно темными сами по себе спутниками, заимствующими весь свой блеск от этого великого и лучезарного светила. Прочтите отзывы иностранцев о прочих сотрудниках Петра – почти все они оказываются полнейшими ничтожествами[6]. Но любопытно то, что те же самые лица, которые хотят выставить Меншикова, подобно другим сотрудникам царя, лишь простым исполнителем его предначертаний, лишенным всяких личных заслуг, сами же, того не замечая, опровергают свои слова. Например, тот же Витворт, так упорно утверждающий бездарность Меншикова, неоднократно замечает, что все распоряжения, касавшиеся военного дела и администрации, делались под влиянием князя, и иногда даже вопреки собственному мнению Петра. То же говорит и Юль. Последний даже приводит слова самого царя, выразившегося будто бы про Меншикова следующим образом: “Без меня князь может делать что ему угодно; я же без князя ничего не сделаю и не приму никакого решения”.

Слова эти, если они действительно были сказаны, конечно, преувеличены и свидетельствуют только о желании Петра выставить перед иностранцем заслуги своего любимца в самом выгодном свете. Но несомненно и то, что из всех сподвижников Петра, которые большею частью являлись только способными и усердными исполнителями его воли, но только исполнителями, иногда даже в душе и не сочувствующими возложенному на них делу, наибольшую инициативу и самостоятельность обнаруживал именно Меншиков. И Петр особенно ценил в нем именно эту инициативу, это умение справляться самому с затруднительными

обстоятельствами, не обращаясь поминутно за указаниями, как это делали старые русские люди, не привыкшие к самостоятельности и при всяком непредвиденном случае беспомощно обращавшиеся к власти за соответствующим наказом, теряя таким образом драгоценное время. Нисколько не поступаясь своей самодержавной властью, требуя от всех безусловного повиновения своим приказаниям, Петр, однако, хотел приучить русских к самодеятельности и требовал, чтобы посланные с поручениями поступали по своему рассуждению, смотря по обороту дела, “ибо издали нельзя так знать, как там будучи”. И в этом отношении смелый, находчивый и энергичный Меншиков стоит несравненно выше всех других “птенцов Петровых”. Заимствуя от царя только общую идею, общий план действий, он является часто совершенно самостоятельным в разработке его деталей, и результат как нельзя более оправдывал доверие к нему царя.

Как бы то ни было, эти отзывы иностранцев, хотя и совершенно для нас неубедительные, очень красноречивы в другом отношении. Они свидетельствуют вообще о сложившемся у европейцев взгляде на русских, в которых те не хотели замечать ничего хорошего; при таком взгляде естественно приходилось приписывать внезапное возвышение России исключительно гению одного человека и заслугам окружавших его иностранцев и ожидать, что с кончиной этого человека страна вернется к прежнему варварству. В частности же эти пренебрежительные отзывы о способнейшем из сотрудников Преобразователя, составившиеся, конечно, под влиянием бесед с русскими же людьми, прекрасно рисуют отношения последних к всемогущему фавориту. Неслыханное возвышение этого безродного человека, в связи с его надменностью, создали ему массу врагов и завистников. Его ненавидели все – и родовитые люди, постоянно унижаемые заносчивым фаворитом и глубоко оскорбленные в своей старой боярской гордости необходимостью подчиняться бывшему пирожнику; ненавидел его и простой народ, считавший, как прежде Лефорта, виновником всех новшеств, злым гением Петра, поддерживавшим в нем любовь ко всему иноземному, подбивавшим его на все неслыханные отягощения народа по случаю шведской войны.

Глава III

Семейные дела Петра Великого и Меншикова. – Дружба Меншикова с сестрами Арсеньевыми. – Ливонская пленница. – Отношение ее к Меншикову. – Женитьба Меншикова. – Дружба с Петром. – Переписка Петра и Меншикова

Посвятив первые две главы изображению деятельности Меншикова в период 1700 – 1709 годов и его быстрого возвышения в связи с возрастающим расположением к нему царя, мы не можем обойти молчанием одно обстоятельство, которое еще теснее сблизило обоих. Эта дружба скоро подвергнется таким испытаниям, будет подрываться так часто и так сильно, что, не будь этого обстоятельства, последовавшее охлаждение царя к его любимцу, быть может, привело бы к более чувствительным для князя последствиям, чем какие оно имело в действительности. Этим новым звеном в союзе двух друзей была женщина – Екатерина.

Семейные дела Петра более или менее общеизвестны. Женщина, навязанная ему матерью в супруги еще в ранней его молодости, никогда не пользовалась его любовью. Воспитанная в старых понятиях, ненавидящая иноземцев Евдокия со своими вечными жалобами на его частые отлучки из дому скоро ему опротивела совершенно. Петр нашел себе более подходящую подругу в Немецкой слободе, где женщины, не живя затворницами, привыкли к свободному, непринужденному обращению с мужчинами. Немка Анна Монс надолго завладела сердцем царя. Такого же рода интрига завязывается и у Меншикова, но только в пределах дворца. Необходимо заметить, что после смерти царицы Натальи Кирилловны дворцовый внутренний быт значительно изменился: женщины и девицы понемногу выходили из теремов, и сами царевны не держались строго прежнего затворничества. Царевна Наталья Алексеевна, родная сестра и любимица Петра, жила в Преображенском у брата со своими девицами-боярышнями, и нет сомнения, что Петр не стеснялся посещать ее со своим неразлучным Алексашей, и девицам-боярышням не приходилось прятаться от окружавших Петра молодых людей. В числе этих девиц были, между прочим, сестры Арсеньевы – Дарья, Варвара и Аксинья (про отца их известно только, что он воеводствовал где-то в Сибири). Меншиков очень подружился с первыми двумя, а с красавицей Дарьей Михайловной у него завязались и более интимные отношения. Следы этой любви сохранились в переписке обеих сестер с Меншиковым.

Первые письма, без чисел, содержат в себе простые поклоны, извещения о здоровье, просьбы не забывать и т. п. Но уже с 1702 года, с тех пор, как начинается деятельность Меншикова в новом крае, письма, уже с датами, становятся весьма интересными историческими документами, так как по ним можно проследить почти все движения Меншикова и Петра, их успехи, отношения обоих друзей. Петр, по-видимому, также очень дружески относился к девицам и часто посылал им поклоны. Но скоро переписка становится еще более оживленной. К компании Арсеньевых, которые теперь жили в Москве вместе с сестрами Меншикова, в 1704 году присоединяется еще одно лицо – новая подруга Петра, будущая императрица Екатерина.

В августе 1702 года, при взятии Шереметевым Мариенбурга, в числе пленных досталась ему с семейством пробста Глюка молодая Екатерина, бедная сирота, находившаяся в услужении у пробста. Через некоторое время Меншиков, увидав Катерину в доме Шереметева в Москве, выпросил ее для себя, но и у него красивая молодая пленница оставалась недолго. В марте 1704 года Петр, недавно разошедшийся с Анной Монс, обедая у Меншикова, увидел прислуживавшую за столом Катерину. Она произвела на него сильное впечатление, и он увез ее к себе.

Такова довольно пошлая, малообещающая завязка романа, получившего такое громадное значение не только в личной жизни Петра, но и для истории России. Простая прихоть властелина, не привыкшего стесняться в удовлетворении своих страстей, превратилась скоро в прочную серьезную привязанность. Дочь простого лифляндского обывателя Самуила Скавронского, бедная безграмотная сирота, оказалась таким же баловнем счастья, как и бывший пирожник. Живая, веселая, с большим природным тактом, она сумела так сильно привязать к себе Петра, что в 1711 году, отправляясь в Прутский поход, он решился тайно повенчаться с ней, хотя официально Екатерина была объявлена его супругой лишь в 1712 году, по возвращении из похода.

Связь Петра с Екатериной, закрепившаяся впоследствии браком, имела громадное значение и для Меншикова. В лице Екатерины, помнившей, чем она обязана ему, он приобрел себе всегдашнюю неизменную заступницу перед царем. Но еще более, чем память о прошлом, их связывала очевидная солидарность интересов. Оба выхваченные снизу, оба обязанные своим необыкновенным возвышением личному расположению царя, окруженные со всех сторон врагами и завистниками, они естественно должны были стать союзниками и действительно всю жизнь взаимно поддерживали друг друга.

Нельзя, впрочем, сказать, что Меншиков с самого начала

предвидел будущее значение Екатерины и сознательно стал подготавливать в ней союзницу. Вероятно, ему и не особенно приятно было расставаться с красивой пленницей, которая и сама, по-видимому, сохранила хорошее воспоминание о пребывании в его доме. Есть некоторые указания, что он смотрел на новую связь Петра лишь как на временную прихоть и втайне мечтал о том, чтобы выдать за него одну из своих сестер, Анну Даниловну (другая сестра, Марья Даниловна, вышла в 1703 году за одного из графов Головиных). По крайней мере, когда однажды на пиру у Мазепы последний напомнил князю о его давнишнем обещании отдать сестру за его племянника Войнаровского, Меншиков, будучи уже несколько под хмельком, ответил: “Нельзя, царское величество сам хочет на ней жениться”. В сентябре 1705 года он, между прочим, писал Дарье Михайловне: “Для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобы она училась непрестанно как русскому, так и немецкому ученью, чтобы даром время не проходило”. Соловьев из этого письма усматривает намерение честолюбивого фаворита подготовить Петру достойную подругу. Действительно ли у Меншикова имелись причины питать подобные надежды – об этом судить нельзя, за неимением других данных. Во всяком случае он был настолько благоразумен, что, заметив возрастающую привязанность царя к Екатерине, не стал ей противодействовать, а напротив, всячески старался расположить в свою пользу ту женщину, которая одна была его соперницей в сердце Петра. Екатерина, не всегда бывавшая в состоянии следовать за государем, который редко оставался подолгу на одном месте и, словно буря, носился из одного конца государства в другой, находила себе на это время приют в семействе Меншикова. Между нею, его сестрой и девицами Арсеньевыми существуют самые тесные дружеские отношения и постоянная переписка. Екатерина и Меншиков также часто обмениваются письмами, тон которых, сначала фамильярный со стороны Меншикова, постепенно становится более почтительным, вследствие постепенного изменения в положении самой Екатерины, но всегда остается дружественным с той и другой стороны.

В 1706 году отношения Меншикова с Дарьей Михайловной Арсеньевой были узаконены, наконец, браком, что отчасти было делом самого Петра. Интересно, что в письмах Петра к Меншикову около этого времени попадаются какие-то загадочные фразы. Так, в декабре 1705 года он пишет: “Еще вас о едином прошу, ни для чего, только для Бога и души моей держи свой пароль”. Другой раз (в январе 1706 года): “Что вы изволите пароль свой держать, за то зело, зело благодарен...” К какому

обстоятельству мог относиться этот “пароль”, условленный между Петром и Меншиковым? Есипов полагает, что Петра все-таки смущали прежние отношения Меншикова и Екатерины, что он боялся возобновления их и для этого взял с него слово жениться на Арсеньевой, а сам обещал жениться на Екатерине. Как бы то ни было, Петр очень хлопотал о женитьбе своего друга. 27 июня он вызывает его для этого в Киев: “Еще же зело прошу вас нужно необходимо к Успеньеву дню быть сюда, чтобы определить то, о чем довольно говорено с вами, и мой отъезд”. Меншиков приехал в Киев, и 18 августа Петр обвенчал его с Дарьей Михайловной.

Меншиков не имел повода раскаиваться в этом браке. В лице Дарьи Михайловны он приобрел верную подругу жизни, окружавшую мужа самыми нежными попечениями. Подобно Екатерине, она была, что называется, полковою дамою: она переносила все трудности походной жизни, подвергаясь иногда личной опасности, и при случае даже совершала походы верхом. Меншиков со своей стороны также искренне любил ее и, когда частые передвижения войск заставляли их разлучаться, писал ей с каждого перехода, с редким вниманием заботился об ее удобствах, осыпал подарками. Вообще, по отзывам современников, это была в высшей степени достойная и добрая женщина, и Петр, заставив своего легкомысленного друга жениться на ней, без сомнения, главным образом имел в виду его счастье.

Когда в 1709 году у княгини в походе родился сын, Петр сам окрестил его, дал ему двойное имя Лука-Петр, произвел в поручики Преображенского полка и, уезжая, оставил записку Меншикову: “Новорожденному Луке-Петру дарую, яко крестнику своему, сто дворов на крест; а где, то даю на вашу волю, где вам понадобится”. Любопытно, для характеристики Меншикова, что последний подходящей деревни в 100 дворов не сыскал, а сыскал деревню в 150 дворов и письменно просил деревню эту отдать ему, а за излишние 50 дворов взять с него деньги. Петр, конечно, денег не взял и отвечал ему: “О деревне будь по вашему прошению, а вычту в те поры, как Бог даст вам другого сына”.

Вообще, отношение Петра к Меншикову в течение этого времени представляет редкий пример самой нежной дружбы, даже более, чем дружбы. Во всех письмах Петра, среди всех забот и треволнений этого богатого событиями периода, слышится почти отеческая заботливость его о князе, словно вся любовь, которая должна была принадлежать родному сыну царя, перешла на это “дитя сердца”. Мы уже говорили, какие нежные прозвища он давал в письмах своему Алексаше, своему Данилычу. В его отсутствие Петр положительно скучает и ждет не дождется

свидания с ним. В каждом письме встречаются такие выражения: “Здесь все добро, только дай, Боже! видеть тебя в радости; сам знаешь...” “Здесь все дал Бог изрядно, только об одном не без туги, о чем известен, а паче что сей праздник никогда врознь не бывал”... “В болезни моей не меньше тоска разлучения с вами, что многажды в себе терпел; но ныне уже вящше не могу; извольте ко мне быть поскоряе, чтобы мне веселяе было”.

Иногда письма отличаются шутливым характером. В 1706 году, празднуя Пасху в Нарве, царь среди веселого пира пишет Меншикову: “Сегодня по обедне был в вашем дому и разговелись, и при окончании сего дня паки окончали веселие в вашем же дому. Воистину, слава Богу, веселы, но наше веселие без вас, яко брашно без соли. Лизет Даниловна (имя любимой собачки Петра, полученной в подарок от Меншикова) лапку приложа челом бьет”. Это письмо по желанию Петра подписано было всеми гостями, участвовавшими в празднестве, в том числе и денщиками.

Но еще более интересны для характеристики их отношений письма самого Меншикова к Петру, ничем не напоминающие писем подданного к государю. Все они отличаются самым непринужденным, товарищеским тоном. Так, например, Меншиков никогда не употребляет слова “величество”, а всегда, как в заголовке, так и в самом письме, величает Петра тем чином, какой тот носил в данное время по службе, например, капитаном, полковником. Обыкновенно письма его начинались словами: “Доношу вашей милости”, причем, докладывая о своих распоряжениях, о положении дел, он никогда не говорит, что поступал в данном случае по указу царя, а просто по письму, или же говорит прямо, что счел нужным поступить так-то и так-то. Попадаются у него и такие выражения: что хотя-де ваша милость и писали ко мне, чтобы сделать так-то, однако же я рассудил поступить по-иному. Иногда он дает царю советы, указания. После битвы при Калише, он, между прочим, пишет Петру: “Пожалуй, изволь здешних генералов повеселить особливыми от себя письмами или в письме ко мне прописать к каждому особо за их доброе управление”. Точно так же он никогда не подписывался, подобно другим сановникам, слугой или рабом (например, фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, один из родовитейших сподвижников Петра, всегда подписывался под своими письмами к царю: “Ваш холоп Бориско”), а просто: “А. Меншиков”. Некоторые его письма отличаются таким же шутливым тоном, как и письма Петра. В начале 1703 года, когда Петр был на Ладожском озере, Меншиков, живя в Петербурге и впервые ознакомясь с прелестями петербургской зимы, писал ему:

“Мой господин капитан, здравствуй! Зело милость вашу мы ожидаем; нам стало скучно, потому что было ведро, а ныне вместо его дожди и великие ветры; а для того непрестанно ждем вас; когда изволите приехать, то чаем, что паки будет ведро. Не ведаем, для чего так замешкались; нам кажется мочно быть, потому что ветер способный. Разве за тем медление чинится, что ренского у вас, ведаем, есть бочек с десять и больше, также и секу не без довольства; и потому мним, что, бочки изпраздня, хотите сюда приехать, или которые из них рассохлись, замачиваете и размачиваете. О чем сожалеем, что нас при том не случилось”.

Нельзя сказать, чтобы эта долгая и беспримерная дружба никогда не омрачалась. Вспыльчивый царь, оставшись недовольным каким-нибудь распоряжением любимца, иногда приходил в такой гнев, что по-прежнему угощал его собственноручно потасовкой. Но такие размолвки продолжались очень недолго. Обыкновенно Петр на другой же день приезжал к своему другу как ни в чем не бывало, и враги Меншикова, едва только возымевшие надежду свергнуть временщика, должны были мириться с мыслью, что борьба с ним пока немыслима.

Глава IV

1710-й год. – Встреча у Красного кабачка. – Внутренняя и внешняя перемена в Меншикове. – Его образ жизни. – Возобновление военных действий. – Темные стороны в характере Меншикова. – Злоупотребления князя. – Первые разоблачения. – Курбатово-Соловьевское дело. – Первая царская немилость. – Новый фавор. – Столкновение с сенатом. – Следственные комиссии над Меншиковым и их результаты. – Причины снисходительности Петра. – Общий уровень нравственности в Петровскую эпоху

1710 год был, по всей вероятности, самым счастливым в жизни Меншикова. По крайней мере, его значение при Петре достигло в этом году своего апогея. Могущество шведов было сломлено, война не требовала уже прежнего страшного напряжения всех сил, Петр мог дать себе некоторый отдых и с чувством полного удовлетворения оглянуться на пройденный путь. И вот, на каком бы моменте этого славного прошлого он ни остановился мысленно, повсюду встречал он своего Данилыча, на каждом шагу вспоминалась его верная служба, его дельные советы, его храбрость и распорядительность. Неудивительно, таким образом, что весь этот год, наполненный почти непрерывными празднествами по случаю одержанных побед, представляет длинный ряд оваций по адресу князя, долженствовавших запечатлеть навсегда в памяти русских его заслуги как главного и достойнейшего из сподвижников победителя.

Отпраздновав Полтавскую победу триумфальным въездом в Москву и целым рядом торжеств, в которых Меншиков всегда являлся народу по правую руку царя (Петр без него не хотел даже вступать в Москву и с неделю дожидался его прибытия в подмосковном селе Коломенском), последний в конце февраля уехал в Петербург, чтобы порадоваться на быстрый рост своего “парадиза”. Меншикову пришлось еще отправиться к Риге, осада которой, порученная Шереметеву, подвигалась вперед очень вяло. Но с приездом князя работа закипела, и Меншиков, исполнив все, что ему было поручено, мог, наконец, вернуться в Петербург, который был и для него любимым детищем, и в преуспевании которого, как писал ему Петр, приглашая его поскорее приехать, он “добрым участником был и есть”.

“Приезд мой сюда зело счастлив, – писал князь жене, оставшейся в дороге, – ибо его величество с особливой склонной милостью принять меня изволили и зело из моего сюда приезду

веселится. А сего числа дан мне ордер дацкий Слона; взавтре, понеже день рождения государе, по отправлении извычайного банкета, что будет в новом нашем доме на Васильевском острову, где не оставим и про ваше здоровье выпить...”

Недаром даже избалованный царскими милостями, привыкший к всеобщему раболепству Меншиков видит “особливую склонную милость” в устроенной ему царской встрече. Вот как описывает эту самую встречу датский посланник Юст Юль, участвовавший в ней вместе с послом польским.

“Я выехал рано утром (29 мая) верхом к Красному кабаку (в 17 верстах от Петербурга) навстречу князю Меншикову. Сам царь выехал к нему за три версты от города, несмотря на то, что недавно хворал и теперь еще не совсем оправился. Замечательно, что князь даже не слез с лошади, чтобы почтить своего государя встречею, а продолжал сидеть до тех пор, пока царь к нему не подошел и не поцеловал его. Множество русских офицеров и других служащих тоже выехали верхом встречать князя; все целовали у него руку, ибо в то время он был полубогом, и вся Россия должна была на него молиться. При его приближении к городу ему салютовали 55 выстрелами”.

У того же Юля мы находим еще много других интересных подробностей, свидетельствующих о том поклонении, которым был окружен в то время фаворит. Между прочим, Юль пишет:

“Меня крайне изумило, что Меншиков перед своим уходом поцеловал цариц и что молодые царевны (вероятно, вдова и дочери покойного царя Иоанна) устремились к нему первые, стараясь наперегонки поцеловать у него на прощание руку, которую он им и предоставил. Вот до чего возросло высокомерие этого человека!” – восклицает Юль, хотя по этому поводу можно было бы подивиться и раболепству тех, которые так унижались перед могущественным временщиком.

Итак, после пятилетнего отсутствия Меншиков вернулся в тот город, который возник на его глазах и при его содействии. Изменился Петербург, успевший за это время сильно вырасти и выйти из тесных пределов Петербургского острова, но еще более изменился и вырос его губернатор. Какая разница между Меншиковым, выехавшим пять лет тому назад из этого “парадиза” на болоте, и фельдмаршалом, светлейшим князем, вернувшимся назад во всем ореоле одержанных им побед? Все эти великие события, в которых он принимал столь непосредственное участие, все то, что он видел и слышал в чужом краю, дали необыкновенное развитие его редким способностям, сделали из него внутренне и наружно почти другого человека. Глядя на этого великолепного вельможу, с таким высокомерно-снисходительным

видом принимавшего всеобщее поклонение, так просто и непринужденно, словно равный с равным, державшегося со своим государем, никто бы и не подумал, что он родился в низкой доле и еще так недавно исполнял обязанности лакея. Наружность князя сама по себе была очень внушительна. Высокий, худощавый, но стройного сложения, он обладал очень приятными чертами лица с необыкновенно живыми глазами, умно и проницательно глядевшими из-под густых бровей. Высокий лоб, которого не мог скрыть даже огромный парик по моде того времени, и выдающийся подбородок свидетельствовали о способностях и энергии. Пребывание за границей, сношения с польскими магнатами, частые встречи и беседы с коронованными особами, как Август или король Прусский, которых он запросто угощал в своей палатке, – все это не прошло бесследно для восприимчивого Меншикова и в отношении его внешних приемов. Никто из приближенных царя не усвоил в такой степени внешний лоск западной цивилизации, никто не походил в такой степени на европейца, как этот бывший уличный торговец. Надменный и заносчивый с теми, которые не хотели смириться перед ним, он умел быть любезным и приветливым с низшими, с людьми, охотно признававшими его первенство. Иностранцы, постоянно жалующиеся на грубость и высокомерное обращение с ними русских вельмож, с большой похвалой отзываются о вежливости и предупредительности князя, и особенно о его опрятности – качество, очень редкое тогда между русскими. И дом у него поставлен на более европейскую ногу, чем у других вельмож, у которых, несмотря на новые, заимствованные с Запада, кафтаны и парики, остались прежние грубые вкусы и забавы. У него не только роскошная, но и изящная обстановка, прекрасный стол. Недаром, когда нужно принять иностранца, угостить его на славу, блеснуть пред ним умением, жить, Петр поручает это своему неоценимому Данилычу.

Покончив на время с бивуачной жизнью, Меншиков выписал жену и зажил в своем новом великолепном доме на Васильевском острове с невиданной дотоле роскошью. Богатства, приобретенные им благодаря щедрым пожалованиям царя, подаркам Августа, а еще более благодаря бесцеремонному “гощению” в неприятельской земле, достигали огромных размеров, так что при всей своей скаредности он мог позволять себе и огромные расходы. У него свои карлы, парикмахер, камердинер-француз, мундшенк, берейтор, трубачи, гобоисты, бандуристы, шталмейстер, кучера, ковали, слесари, кухмейстеры, часовник, садовый мастер, огородники: все из иностранцев. Некоторые из них получали по тому времени значительное

жалованье. Из русских были только сапожники и псари. По сохранившимся счетам видно, что с конца 1709 по 1711 годы князь на свое содержание (за исключением расходов на княгиню и сына) израсходовал с лишком 45 тысяч рублей. Весь 1710 год был, как мы говорили, почти нескончаемым праздником. Сначала праздновались старые победы, а потом подоспели и новые – взятие Ревеля и Кексгольма. Далее следовали празднества по случаю бракосочетания царевны Анны Иоанновны с герцогом Фридрихом-Вильгельмом Курляндским, происходившего в доме князя (31 октября 1710 года), а вслед за тем новая свадьба, на этот раз шутовская, во вкусе Петровских забав – свадьба двух карлов.

Начавшаяся новая война с турками положила предел этим пирам и забавам. В январе 1711 года Петр отправился в знаменитый Прутский поход, оставив свой “парадиз” на попечение верного Данилыча.

Но и Меншиков недолго мог почивать на лаврах. Еще в том же 1711 году, по внезапной кончине герцога Курляндского, ему пришлось вступить с войском в Курляндию. В 1712 году мы видим его главным начальником русских войск в Померании, куда теперь перешла война со шведами. В 1713 году он находится с войском в Голштинии под командой датского короля, участвует во взятии крепости Тенингена и в победе, одержанной союзниками над шведским генералом Стенбоком, берет Штеттин, который тут же отдает в секвестр королю прусскому и двору голштинскому. Потом, проведя русскую армию через польскую границу до Данцига, возвращается в Петербург в феврале 1714 года. С этих пор Меншиков уже не участвует более ни в одном походе. Хотя война со шведами еще продолжалась, но самый острый период ее миновал; новых крупных предприятий не предвиделось, так как соперничество и подозрительность союзников не допускали Петра до особенно решительных действий – оставалось, главным образом, только удерживать приобретенные уже провинции до окончательного закрепления их за собой миром. Но с этим могли справиться и другие генералы, тогда как в делах внутреннего управления, в заботах о дальнейшем преуспевании “парадиза”, который Петру приходилось так часто покидать для своих разъездов по России и путешествий за границу, Меншиков был решительно незаменим.

Необходимо, впрочем, заметить, что даже в военное время, находясь в Литве, Меншиков продолжал по-прежнему заведовать вверенным ему краем, и сохранившиеся бумаги показывают, что он без замедления разрешал все присылаемые ему донесения. Но и этим не ограничивался круг деятельности князя. Он принимал

участие во всех делах и заботах государя; в его руках сосредоточивалось такое множество канцелярий, учреждений всякого рода, что определить с точностью сферу его влияния, указать, что именно сделано им за указанный период времени, по всей вероятности даже и невозможно. Этим именно и отличается Меншиков от других сотрудников Преобразователя. У каждого из них было свое дело, свой определенный круг обязанностей, с которыми он справлялся более или менее удачно. Меншиков же благодаря доверию царя, благодаря разносторонности своей богато одаренной натуры даже в самое трудное военное время не был исключительно полководцем и имел большое влияние на все внутренние дела государства.

Но зато это могущество, это редкое доверие к нему государя, дававшее ему возможность распоряжаться с такой самостоятельностью, действовали разнуздывающим образом на инстинкты и страсти любимца. Натура сильная, в высшей степени даровитая, Меншиков, несмотря на отсутствие всякой теоретической подготовки, сумел в короткое время стать полезнейшим сотрудником Петра. Но эти редкие способности не были облагорожены нравственным чувством. Меншикову не хватало той высоконравственной черты, которая мирит нас со всеми недостатками могучей, но малокультивированной натуры Петра – именно его безграничной любви к отечеству, преданности идее, которой он служил всю жизнь. Для Меншикова единственным стимулом к деятельности было желание угодить царю, от расположения которого зависело его благосостояние. Его сильный ум работал главным образом из видов своекорыстных. Уже в самом начале своей карьеры он обнаруживал, как мы видели, непомерное честолюбие, а милости Петра, необыкновенная щедрость, с которой тот расплачивался за каждую новую услугу своего любимца, раздували в нем эту черту все сильнее и сильнее. Другою преобладающей страстью Меншикова была жажда приобретения. Для первой из этих страстей еще существовали известные пределы. Фельдмаршал, светлейший князь, друг и советник великого государя, за которым наперебой ухаживали иностранные правительства, осыпавшие его знаками внимания и уважения, Меншиков был теперь первым лицом в государстве после самого царя. Большего при Петре он не мог уже добиться, оставалось только удержаться на этой головокружительной высоте. Но для другой его страсти не было пределов. Правда, с пожалованием ему в течение этого периода всего Петербургского края, малороссийских мазепинских имений и польских старостств, он сделался первым богачом в России, но это богатство, приобретенное так легко и скоро, еще более

разожгло его аппетиты. Страсти, ничем не сдерживаемые, как известно, разрастаются до чудовищных размеров, а могущество князя давало ему возможность удовлетворять свою алчность всякими, хотя бы и противозаконными средствами. И в какие только предприятия не пускается светлейший князь с целью наживы! Он и фабрики заводит, и заграничной торговлей занимается; он – глава всевозможных компаний, получивших монополии на ту или другую выгодную статью торговли, на тот или другой доходный промысел – все это с ведома и разрешения Петра, очень довольного тем, что его полководец и министр содействует личным почином отечественной промышленности. Но и этого ему мало, он берет на имя подставных лиц, своих креатур, казенные подряды и сам же принимает доставляемые ими продукты по более высоким против существующих ценам; он притесняет других купцов, берет, где только может, взятки, присваивает себе казенные деньги. Во время пребывания в Польше он обирает шляхтичей, конфискуя их имущество в свою пользу. Алчность его доходила до того, что он не постеснялся отнять у пани Огинской все ее драгоценности, несмотря на то, что она была теткой одного из главных приверженцев Петра. Но все это сходило ему с рук, так как никто не осмеливался жаловаться на царского любимца, и Петр, таким образом, долгое время и не подозревал о его проделках. Он, конечно, не был слеп к недостаткам своего “герценкинда”; он знал, как мы видели, его честолюбие, знал его любовь к деньгам, и не только не вменял ему в вину эти слабости, но и сам всячески старался удовлетворять их. Но именно поэтому он не мог допустить и мысли, чтоб человек, осыпанный его милостями, позволял себе его обманывать, чтоб тот, кто оказал столько услуг государству, был способен в то же время вредить его интересам.

Однако рано или поздно у Петра должны были раскрыться глаза, и это был тяжкий удар для его сердца, быть может, одно из самых горьких разочарований в его жизни. Первое разоблачение произошло в 1711 году. Отправляясь в Прутский поход и проезжая через Польшу, он узнал о некоторых самоуправных поступках своего любимца, между прочим о самовольном завладении им имением Чашниками. Последовал выговор, но в очень мягкой форме: “Зело прошу вас, – писал он ему из похода, – чтобы вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредита. Прошу вас не оскорбиться о том, ибо первая брань лучше последней...” Но это дружеское увещание не подействовало; первая брань не оказалась последней. Возвратившись из похода, Петр узнал о новых незаконных проделках князя; он стал осторожнее, внимательнее, приглядывался к его поведению, и в

начале 1712 года, отправляя его в Померанию против шведов, уже более резко напоминает ему о том, чтобы он вел себя честно: “Ты мне представляешь плутов честными людьми, а честных людей плутами. Говорю тебе в последний раз: перемени поведение, если не хочешь большой беды. Теперь ты пойдешь в Померанию – не мечтай, что ты там будешь вести себя, как в Польше. Ты мне отвечаешь головой при малейшей жалобе на тебя”. Но и это не помогло, и хотя царь угрозы своей не исполнил, но отношения между друзьями сильно испортились. А тут еще началось знаменитое Курбатово-Соловьевское дело, в котором косвенным образом оказался замешанным и князь, и, благодаря начавшимся разоблачениям, стали раскрываться понемногу и другие его злоупотребления. Обличителем Меншикова явился его прежний протеже, помогавший ему во многих его незаконных проделках, и скандал вышел грандиозный. Этот обличитель был знаменитый прибыльщик Курбатов. Сильное движение преобразовательной эпохи, новые сферы деятельности и учреждения дали возможность выдвинуться многим способным людям из всех слоев общества. Особенно легко было выдвинуться, обратить на себя внимание царя в области экономических отношений. Чтоб покрывать все увеличивающиеся расходы на решение многосложных политических задач, приходилось изыскивать все новые и новые источники доходов. Явилась особая должность прибыльщиков, людей, искавших во всем прибыли казне. Особенно прославился своей энергией и изобретательностью первый прибыльщик Алексей Курбатов, по предложению которого, между прочим, была введена гербовая бумага. Долгое время Курбатов пользовался покровительством Меншикова, своего начальника, и со своей стороны отплачивал ему тем, что оказывал ему содействие в его коммерческих предприятиях. В своих донесениях Петру он не упускал случая, чтобы не превозносить мудрость и усердие князя, называл его “избранным от Бога сосудом”, единственным человеком, который “без порока перед царем”. Мало того, Курбатов простирал эту преданность своему “милостивцу” до того, что отдавал ему часть прибыли, получаемой от казенных операций, доказывая, что это вполне законная награда за его услуги царю, и Меншиков, отличавшийся не менее широким взглядом на казенные доходы, охотно принимал его приношения и посредничество между людьми, нуждавшимися в услугах фаворита и щедро плативши ими за эти услуги. Так шло дело довольно долгое время, по пословице “рука руку моет”, к обоюдному удовлетворению и выгоде Курбатова и князя. Но в 1711 году первый был назначен вице-губернатором в Архангельске, и тут ему пришлось столкнуться с одним из

братьев Соловьевых, также протеже князя и также усердно работавшими в его пользу. Один из Соловьевых, Федор, управлял имением Меншикова, другой, Осип, был царским комиссаром в Голландии, занимался продажею казенных товаров, переводом денег из России за границу и т.п., а третий, Дмитрий, был обер-комиссаром в Архангельске. Вскоре после приезда Курбатову, по ходатайству князя, пришлось поступиться частью своих прав в пользу Дмитрия Соловьева, которому поручено ведать одному отпуск государевых товаров. Самолюбивый прибыльщик обиделся и послал донос на Соловьева, обвиняя его в том, что он отправляет в Голландию собственный зерновой хлеб вместо казенного и задерживает сбыт последнего братом, чтобы повысить цены и выгоднее продать свой. Но эта жалоба косвенным образом задевала Меншикова, так как всем было известно, что Соловьевы – его креатуры. В то же время на самого Курбатова подана была жалоба иностранными купцами. Заварилось дело, пошли доносы, взаимные обвинения, в которые мало-помалу втягивались самые высокопоставленные лица.

Курбатовское дело началось, как мы уже сказали, в такое время, когда доверие Петра к “единственно беспорочному слуге” было уже и без того значительно подорвано. Несмотря на полученное предостережение, Меншиков и в Померании позволял себе всякие вымогательства. Кроме того, Петр был недоволен, что он отдал Штеттин прусскому королю и голштинскому герцогу, так как этим поступком он чуть не поссорил царя с датским королем, который был против голштинского секвестра, и его неудовольствие было тем сильнее, что, по слухам, Меншиков получил за эту сделку большую сумму от голштинского министра. Этой первой серьезной размолвкой между друзьями не замедлили, конечно, воспользоваться многочисленные враги надменного временщика, давно уже подстерегавшие случай, чтобы погубить его. И вот в связи с курбатовскими доносами на Соловьева со всех сторон посыпались жалобы на вымогательства, хищения и злоупотребления самого Меншикова. Петр узнал, таким образом, что не только в неприятельской стране, но и у себя, в вверенном его управлению крае, в самом “парадизе”, его Данилыч позволяет себе злоупотреблять царским доверием. В первый раз за все это время Меншиков почувствовал со всей силой, как шатко его положение. Прежние непринужденные отношения с царем прекратились, исчез шутливый товарищеский тон в письмах. Холодность Петра, плохо скрываемое злорадство придворных, все эти зловещие симптомы близкой опалы действовали подавляющим образом на зарвавшегося игрока – его здоровье, и без того расстроенное невоздержанной жизнью,

наконец не выдержало. Уже 3 года, как он харкал кровью; в мае 1714 года с ним сделался такой припадок, что врачи потеряли было всякую надежду. Однако железная натура князя обманула врачей – он оправился, но не на радость. Враги продолжали подкапываться под него, и его злоупотребления все более всплывали наружу. В конце 1714 года Петр, приехав к нему на семейный праздник, осыпал его, в присутствии многих гостей, резкими упреками за его поведение и поведение его креатур, говоря, что все они обогатились в короткое время от грабежей, тогда как казенные доходы все уменьшаются. Скоро после этого было назначено строгое следствие: все чиновники Ингерманландской канцелярии, состоявшей под ведением князя, были перехватаны и подвергнуты допросу. Следственная комиссия под председательством Василия Дмитриевича Долгорукого открыла грандиозные хищения по управлению Монетным двором, при постройках, по провиантской части. В дело оказались замешанными очень высокопоставленные лица – два сенатора, петербургский вице-губернатор Корсаков, один из самых ловких клевретов Меншикова, и др. Но хуже всего было то, что все эти хищения прикрывались покровительством самых доверенных слуг Петра – Меншикова, Апраксина, Брюса и др. Все были убеждены, что господству ненавистного временщика наступил конец; говорили, что он по крайней мере потеряет свое ингерманландское наместничество, которое перейдет к царевичу Алексею, и т. п. Но к общему изумлению, гроза, готовая разразиться над головами главных виновных, пронеслась мимо. Память о прежних заслугах князя спасла его от заслуженного наказания – поплатились только его креатуры, на которых он свалил всю вину, доказывая, что они, пользуясь его отсутствием в Петербурге, действовали во всем без его ведома. Корсаков был публично высечен кнутом, но сам князь, равно как его неизменный друг Апраксин и Брюс, отделались только штрафом. А вскоре после этого мы опять видим его в милости у царя. Петр, находясь за границей, ласково осведомляется о его здоровье, присылает ему из Данцига фунт табаку. Да и как Петру не ласкать своего Данилыча, когда тот, при всем своем корыстолюбии, все-таки самый ревностный исполнитель его воли, самый надежный человек, на которого он может при отъезде оставить дела, будучи уверенным, что тот при непредвиденных обстоятельствах не растеряется, не потеряет времени в пустых разговорах и бесплодных сетованиях, а примет своевременно все нужные меры. В этом отношении особенно интересно столкновение Меншикова с сенатом в 1716 году. Меншиков очень недолюбливал это учреждение, как все и всех, стеснявших его

самовластие, и не упускал случая, чтобы выставить в дурном свете его распоряжения и медлительность сенаторов. В июле 1716 года адмирал Апраксин, находясь в Финляндии, прислал отчаянное письмо в Петербург, донося сенату, что войско его погибает от голода и что если ему сейчас же не пришлют припасов, то он возвратится назад. Меншиков явился в сенат и стал упрекать его в нерадении; сенаторы оправдывались тем, что в казне нет денег, что все источники доходов истощены и государь не может требовать от них невозможного. Князь в ответ осыпал их самыми резкими обвинениями. Поднялся шум; раздраженные сановники закричали, что он не смеет так говорить в учреждении, представляющем особу и власть царского величества, и даже пригрозили посадить его под арест. Тогда Меншиков вышел из сената и немедленно собственной властью велел взять припасов из купеческих магазинов на 200 тысяч рублей и нагружать их на суда для отправки в Або. Сенаторы еще более осердились, стали говорить, что у князя собственные магазины с хлебом, который он скупает, чтобы произвести дороговизну в городе и затем продать по дорогой цене. Меншиков, конечно, отрицал это и приписывал раздражение сенаторов тому, что у каждого из них была доля в хлебе, который он велел захватить у купцов. Кончилось тем, что с обеих сторон были посланы жалобы царю.

Спору нет, образ действий Меншикова в данном случае был насильственный, противозаконный, но мог ли Петр осудить его после того, как выяснилось, что этим самоуправством князь действительно спас войско, тогда как “господа сенат” ограничились бы одними разговорами. Об этом же свидетельствовал адмирал Апраксин, который, по возвращении в Петербург, доносил царю, что “если б здесь не было светлейшего князя, то в делах могли бы быть великие помешательства”. И Петр взглянул сквозь пальцы на проступок Данилыча, и хотя последний не смел уже более писать царю в прежнем товарищеском тоне, но по отношению к окружающим он остался все тем же надменным и несокрушимо-могущественьгм фаворитом.

Впрочем, Курбатово-Соловьевское дело еще не заглохло. До сих пор Курбатов, попавший сам под следствие, не решался прямо напасть на Меншикова – в злоупотреблениях обвинялись только клевреты последнего. Но видя, что его собственное дело запутывается все более, он решился открыто выступить против князя. Ему удалось подкупить одного из его служителей, который выкрал нужные Курбатову бумаги, содержавшие прямые улики против князя. С этими документами в руках Курбатов написал в

1716 году Петру. Но время было неудачно выбрано; Петр был поглощен внешними делами; к этому присоединилось еще бегство царевича, так что хотя в следующем году Осип Соловьев и был арестован в Амстердаме и отправлен в Россию, но в конце концов следствие более повредило Курбатову, чем Меншикову. Первый так и умер под судом (в 1721 году), не дождавшись конца дела; Меншиков же отделался только денежным взысканием, причем начет на нем, первоначально громадный, потом значительно уменьшился, так как Петр, ввиду представленных князем счетов и документов о сделанных им в интересах царя затратах, велел зачесть ему большие суммы.

Вообще, начиная с 1714 года до самой смерти Петра, Меншиков почти не выходит из-под суда. Следственные комиссии беспрестанно открывают все новые и новые его злоупотребления, требуют от него отчета во всех издержанных суммах, налагают на него громадные штрафы. Петр, слушая вечные жалобы на противозаконные действия князя, выходит из себя, грозит расправиться с ним с такой же неумолимой строгостью, как и со многими другими высокопоставленными взяточниками и казнокрадами, и не раз знаменитая царская дубинка прогуливается по спине светлейшего князя; не раз враги последнего, торжествуя, поднимают головы, уверенные в его близком и неминуемом падении. Иностранные послы в донесениях своим правительствам то и дело пророчат ему скорую опалу и даже казнь. Но проходит некоторое время, и Меншиков, принеся повинную, снова в милости и снова заставляет трепетать своих противников.

Чем объяснить такое долготерпение царя? Почему Петр, каравший с такой беспощадной строгостью менее важные проступки, оставлял почти безнаказанными злоупотребления Меншикова, дискредитируя этим самым свое правосудие в других случаях?

Мы указывали уже на заступничество Екатерины. Действительно, в моменты страшных вспышек царского гнева Меншиков обыкновенно обращался к своей старой приятельнице, которой всегда удавалось развеселить государя и удержать его от немедленной расправы. Она умела вовремя напомнить царю о прежних заслугах князя, о его испытанной преданности, о том, как трудно будет заменить его опытность и знание дел. Все это несомненные факты, засвидетельствованные многими современниками. Но вряд ли заступничество Екатерины могло бы спасать столько раз неисправимого грешника, если б он не имел за себя ходатая в сердце самого Петра, в памяти о прежних заслугах князя, о прежней дружбе, о всех горестях и радостях,

пережитых вместе. В какой степени прочна была привязанность Петра к “дитяти его сердца”, несмотря на все разочарования в нем, лучше всего можно судить по следующей сценке, передаваемой Голиковым. Однажды царь сам присутствовал в комиссии, занимавшейся разбирательством дела князя. Туда же явился Меншиков, чтобы дать отчет в своих действиях. И вот грозный судья, хладнокровно присутствовавший при допросах Преображенского приказа, был глубоко тронут при виде своего любимца, смиренно, с выражением искреннего раскаяния, ставшего у дверей. Приняв от него повинную и прочитав ее про себя, он заметил вслух: “Эх, брат! и того-то ты написать не сумел!”, – взял перо и... стал исправлять написанное...

Но не одна только старая дружба, не одна память о прошлом побуждала Петра щадить Меншикова. В пользу князя говорили и чисто практические соображения. “Наш монарх на гору аще сам десять тянет, – говорит Посошков, – а под гору миллионы тянут...” Но среди этих немногих, которые тянули вместе с Петром, далеко не все действовали с полною искренностью. Петр отлично знал, что мало кто из его сотрудников вполне сочувствует его преобразованиям, что при другом правителе они не менее усердно будут разрушать то, что при нем воздвигали. Одни только новые люди, выдвинувшиеся благодаря новым порядкам и вместе с ними долженствовавшие сойти со сцены, были вполне надежными приверженцами, а из них, конечно, на первом плане Меншиков. В лице князя, несмотря на все его недостатки, Петр имел действительно преданного слугу, преданного не только из чувства благодарности, но и по расчету, так как гибель благодетеля неминуемо повлекла бы за собой его собственную гибель. Задумываясь о том, какая участь ждет его начинания после его смерти, ввиду неспособности и приверженности к старине царевича Алексея, Петр естественно должен был прийти к мысли о необходимости щадить человека, обладавшего таким огромным опытом, в такой степени усвоившего его идеи, как Меншиков. Эти соображения получили еще большую силу, когда на место несчастного Алексея наследником престола объявлен был маленький Петр Петрович, и в особенности, когда со смертью последнего вопрос о преемнике Петра остался совершенно открытым.

О злоупотреблениях Меншикова, о его лихоимстве писали очень много. Это такие же общеизвестные факты его биографии, как его низкое происхождение и печальный конец, выставляемый обыкновенно как “достойный плод его злонравия”. Но одними голыми фактами нельзя довольствоваться при произнесении приговора. В применении к историческому лицу необходимо еще

обратить внимание на нравы всей эпохи, необходимо выяснить, в какой степени при данном и бесспорно предосудительном образе действия велико было его уклонение от того общего уровня нравственности, какой существовал в современном ему обществе.

Всякому, более или менее знакомому с Петровской эпохой, известно, что взяточничество и казнокрадство были одним из тех зол, с которыми Преобразователь боролся всю жизнь и боролся безуспешно. Все строгости его оказались бессильными искоренить эту глубокую застарелую язву старого русского общества, которому понятия о служении государству, о благе целого были почти совершенно чужды. На государственные должности смотрели лишь как на источники доходов, как на средство увеличить благосостояние своего семейства и своей родни. На воеводства прямо просились для того, чтобы кормиться, и надо было, чтобы это “кормление” приняло уж очень грандиозный и беззастенчивый характер, чтобы вызвать вмешательство и кару правительства. Петр, с его уже современными понятиями о государстве, о государственном служении, хотел сразу искоренить это застарелое зло. Со свойственною ему энергией и беспощадностью он стал преследовать хищнические наклонности правительственных лиц, преобразовал все органы правления, весь государственный строй. Но людей нельзя перевоспитать нравственно так же быстро, как изменить их внешность. Все пытки Преображенского приказа и тайной канцелярии, мучительные казни, шпионство, поощрение доносничества наградами не могли привить тогдашнему обществу ни гражданского мужества, ни чувства долга. Люди оставались все теми же и вносили в новые формы старый дух. Новые магистраты так же кривили совестью, как и прежние приказы; новые коменданты грабили не хуже, чем старые воеводы; приставленные же для наблюдения за ними фискалы доносили только на тех, с которыми не ладили, а плутни и насилия своих приятелей прикрывали и даже сами участвовали в их беззакониях. Интересен следующий анекдот, сообщаемый первым биографом Петра Голиковым со слов самого Ягужинского. Петр, слушая однажды в сенате дела о казнокрадстве, сильно рассердился и сказал генерал-прокурору Ягужинскому: “Напиши указ, что если кто-нибудь украдет настолько, что можно купить веревку, то будет повешен”. “Государь, – отвечал Ягужинский, – неужели вы хотите остаться императором без служителей и подданных? Мы все воруем, с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой”.

Быть может, такого откровенного признания и не было в действительности, но анекдот этот, во всяком случае, драгоценен

как выражение .сознания современников о размерах зла. Брали взятки все, кто только имел возможность. К концу царствования Петра не было ни одного из крупных сановников, который не побывал бы под следствием, не был бы уличен во взяточничестве или слишком бесцеремонном обращении с казенным добром. Обер-фискал Нестеров подвергся мучительной казни; один из гуманнейших и знатнейших людей того времени, сибирский губернатор князь Гагарин оказался виновным в неслыханных грабительствах и публично казнен. Даже такой человек, как Яков Федорович Долгорукий, во многих случаях являвший пример высоких гражданских доблестей, не гнушался добровольных приношений просителей; даже ученый Брюс, по-видимому, имевший только одну страсть – свою обсерваторию, был обвиняем в злоупотреблениях. Меншиков, таким образом, далеко не был исключением и если брал “больше и приметнее других”, то лишь потому, что ему представлялось для этого больше случаев.

Читая о многочисленных следственных комиссиях, имевших целью изобличение Меншикова, о том, что несмотря на все принесенные им повинные за ним постоянно оказывались все новые и новые грехи, невольно задаешь себе вопрос: каким образом, помимо всяких понятий о честности и долге, этот бесспорно умный и расчетливый человек мог в такой степени рисковать своим блестящим, совершенно исключительным положением из-за благ, которых и без того у него было много, как мог он позволять себе такое бесцеремонное присвоение казенных денег (казнокрадство преследовалось царем гораздо строже, чем взяточничество), зная очень хорошо, что за ним следят зоркие глаза врагов, которые не замедлят воспользоваться всякой его оплошностью, зная, наконец, нрав своего повелителя, который в припадке гнева мог когда-нибудь забыть все доводы рассудка и угостить его таким отеческим увещанием, после которого ему волей-неволей пришлось бы прекратить навсегда свои подвиги?

По-видимому, на этот вопрос есть только одно удовлетворительное объяснение – влияние господствующей страсти, заставляющей человека удовлетворять ее всеми возможными способами, заглушающей в нем все доводы рассудка, даже инстинкт самосохранения. Но ближайшее знакомство с эпохой и тут открывает целый ряд данных, свидетельствующих о том, что Меншиков вовсе не был таким чудовищем алчности, каким его принято изображать, и что, по пословице l'occasion fait le voleur[7], часть его вины падает на ту обстановку, в которой он грешил.

Панегиристы Петра Великого в числе его добродетелей указывают, между прочим, на необыкновенную простоту его

образа жизни и привычек. Это опять-таки факт, не подлежащий сомнению. Лично на себя царь тратил очень мало, одевался чрезвычайно просто, носил платье и белье, неоднократно заштопанные руками его “сердечного друга Катеринушки”. Получая жалованье в качестве морского или сухопутного офицера, он говорил: “Эти деньги собственно мои; я их заслужил и могу употреблять по произволу, но с государственными доходами поступать надлежит осторожно; об них я должен отдать отчет Богу”. Прекрасные слова; но при всей своей простоте Петр был большой охотник попировать. Он любил всевозможные празднества, сопровождавшиеся грандиозными выпивками, любил фейерверки, маскарады и другие увеселения, отличавшиеся подчас разнузданностью фантазии и грубым юмором. По поводу каждой, даже самой незначительной победы шли нескончаемые пиры; праздновались годовщины старых побед, спуски кораблей, дни рождения и именины придворных, свадьбы, похороны, крестины – все, что угодно. Читая о бесчисленных банкетах и попойках того времени, продолжавшихся иногда по несколько дней подряд, только удивляешься, откуда у этих людей брались время и силы для того, чтобы справиться с лежавшими на них задачами... Как бы то ни было, все эти забавы стоили недешево. Иностранцы изумляются одним расходам на порох, так как малейшее торжество сопровождалось бесконечной пальбой. Как же согласовать эти огромные затраты, эти диковинные затеи (вроде появления флота на улицах Москвы) с известными нам скромными привычками Петра, с его скупостью при расходовании казенных сумм, с его личной непритязательностью? А очень просто. Все эти пиры и зрелища должны были устраивать его приближенные и чаще всех, разумеется, “светлейший” князь. Все торжественные приемы послов, все официальные банкеты и т. п. происходили сначала в его доме на Петербургской стороне, получившем поэтому название Посольского, а потом в его великолепных палатах на Васильевском острове, превосходивших в несколько раз не только скромный “домик Петра Великого”, но и большой царский дворец в Летнем саду. Свадьба Анны Иоанновны, поразившая всех приглашенных своей роскошью, происходила, как мы видели, в доме князя; у него же праздновали свадьбу карлов. Откуда же было взять Меншикову денег на постройку этих палат, на содержание многочисленного штата прислуги, на покупку картин, золотой и серебряной посуды и прочее. Жалованье, получаемое им, как и всеми сановниками, было незначительное; а доходы с обширных имений, как они ни были велики, не могли покрывать его расходов. Мы уже говорили,

что в период с конца 1709 года по 1711 год у князя лично на свое содержание израсходовано было свыше 45 тысяч рублей, а для того, чтобы понять, как велика была по тому времени эта сумма, достаточно указать, что сумма всех государственных доходов за 1710 год равнялась 3051796 рублям. А между тем, царь не только поощрял эту роскошь, но даже требовал ее от своего любимца. Бассевич рассказывает, что в 1723 году после дела Шафирова, когда Меншиков должен был лишиться части своих малороссийских имений и заплатить 200 тысяч штрафа, царь, приехав к нему в первый раз после немилости, увидел, что стены его дворца оклеены грубыми обоями. На вопрос о причинах такой перемены, князь объяснил, что должен был продать свои великолепные обои, чтобы расплатиться с казной. “Мне здесь не нравится, – заметил император, строго взглянув на князя, – и я уезжаю. Но я приеду на первую ассамблею, которая должна быть у тебя, и если я тогда не найду твой дом убранным так, как прилично твоему сану, ты заплатишь другой штраф, равный первому”. Он приехал, нашел убранство, достойное князя Ижорского, похвалил все, не упомянув ни словом о прошлом, и был все время в отличнейшем настроении.

Факт этот сам по себе достаточно красноречив. Удивительно ли после всего сказанного и принимая во внимание общий уровень нравственности тогдашнего общества, что князь считал себя некоторым образом даже вправе покупать на казенные деньги мебель для своего дворца, содержать на казенный счет прислугу, лошадей и т.д., а это было одним из обвинительных пунктов, по которым он должен был отвечать перед судом.

У Голикова приводится много интересных данных о действиях следственных комиссий, особенно по отношению к Меншикову. Недостаток места не позволяет нам подробно остановиться на них; заметим только, что князь сам объяснял свои хищения непосильными затратами “ради царского интереса и чести”, и что Петр, просмотрев представляемые им счета и оправдательные документы, во многих случаях признавал его претензии к казне основательными и приказывал счесть из взыскиваемых денег большие суммы. Так, в 1716 году Меншиков, видя, что комиссия Долгорукого все более и более раскрывает его злоупотребления, решился принести повинную и написал Петру письмо, в котором перечислял все подарки, полученные им от разных лиц, от городов в Померании и т. д. ... “И хотя оные презенты сочиняют сумму немалую, но за расходами моими, которые употреблял я ради Вашего интереса и ради чести Вашей на содержание моего дому, и в презенты, и на дачу шпионам, и на пропитание больных и раненых драгун и солдат, едва что

осталось". "Из канцелярий моих на Москве и в походах, тако ж и из сей губернии на мои собственные нужды держаны деньги из Вашей казны, – признается он в другом месте, – правда же, что и мои собственные деньги в канцелярии браны и особливо на ваши расходы держаны..." Например, во время войны он давал свои деньги на подкуп иностранных министров, ссужал большими суммами Августа, ссужал другие ведомства. В конце концов, Меншиков, конечно, не оставался в накладе и вознаграждал себя с лихвой, но при такой страшной запутанности счетов неудивительно, что корыстолюбивый от природы князь то и дело поддавался соблазну и присваивал себе все, что плохо лежало.

Глава V

Дело царевича Алексея. – Роль Меншикова в этом деле. – Столкновение с Шафировым. – Отнятие уМеншикова военной коллегии. – Смерть Петра Великого и ее значение для Меншикова. – Вопрос о престолонаследии. – Деятельность Меншикова и его партии. – Вступление на престол Екатерины

Биография Меншикова так близко соприкасается и даже переплетается с биографией Петра Великого, что нам нельзя не остановиться тут на одном эпизоде, который главным образом, конечно, относится к последней, но в котором и Ментиков играл некоторую, хотя, прибавим тут же, сильно преувеличенную роль. Мы говорим о деле царевича Алексея.

Для государя, подобно Петру посвятившего все свои силы служению известной идее, вопрос о том, способен ли его предполагаемый преемник продолжать начатое им дело, должен был иметь первенствующее значение. А между тем постепенно выяснилось, что этот преемник не только не обладает желательными способностями, но и совершенно не сочувствует самому делу и при первой возможности не преминет разрушить все то, что было достигнуто ценою таких страшных трудов и жертв. Неудавшийся сын грозил свести к нулю все результаты блестящей и беспримерной деятельности отца.

И для Меншикова вопрос о направлении будущего императора был вопросом глубокой важности, вопросом жизни или смерти, по крайней мере, политической. Мы уже неоднократно указывали, как тесно связана была участь любимца с участью Петра, с его направлением. Вне этого направления, с которым он сроднился, которому оказал столько услуг, первенствующая роль этого безродного выскочки становилась немыслимой. Мало того, ввиду общей ненависти к временщику, сама жизнь его с переменой царствования висела на волоске...

И вот человек, существование которого грозило опасностью реформам Петра, положению и, может быть, самой жизни его фаворита, устранен... Несчастный царевич, выманенный из своего безопасного убежища за границей, обнадеженный обещаниями полного прощения, умирает после произнесения над ним смертного приговора, умирает жертвой варварских допросов и истязаний... Является вопрос – какую роль играл Меншиков во всем этом деле, в котором был так сильно заинтересован?

Что гибель царевича была на руку князю, что он не пытался поколебать в Петре его страшную решимость пожертвовать родным сыном интересам государства, что он с более легким

сердцем, чем кто-либо другой из участников комиссии, подписал свое имя под смертным приговором – все это, ясно само собой, вытекает из самой сущности дела. Но писатели, благоговеющие перед памятью Петра Великого и стремящиеся снять с него хоть часть ответственности за это кровавое, возмущающее человеческую натуру дело, стараются свалить ее на Меншикова, выставляя его (и отчасти Екатерину) главным виновником антагонизма между отцом и сыном, долго и систематически подготовлявшим последнюю трагическую развязку. Таково, главным образом, мнение Погодина, в свое время написавшего целый обвинительный акт против Меншикова и Екатерины. Но все эти обвинения не имеют никакой фактической подкладки и основаны на одних лишь соображениях психологического характера, против которых можно выставить целый ряд других соображений, на наш взгляд, более основательных.

Мы упомянули вскользь, что в 1703 году Меншиков был назначен обер-гофмейстером царевича, а наставником его – барон Гюйсен, весьма образованный немец[8]. Алексею в то время шел 12 год. Воспитание его было уже довольно запущено. Первые его учителя и воспитатели из русских были люди малообразованные, нерасположенные к новым порядкам; немец Нейгебауэр, приставленный к нему в 1701 году, также оказался плохим руководителем: будучи неуживчивого нрава, он вечно ссорился с русскими учителями, сторону которых принял Меншиков, и вследствие этого был удален. Царевич под влиянием родственников матери успел уже проникнуться нелюбовью к иноземцам и всему новому. Но все это, при юности Алексея, было еще поправимо. Барон Гюйсен слыл человеком высокого образования; программа воспитания царевича, представленная им на одобрение Петра, была составлена прекрасно; Алексей, по-видимому, стал делать большие успехи. Но, к несчастью для последнего, в начале 1705 года Гюйсен был вдруг отправлен за границу с разными дипломатическими поручениями и вернулся только через 4 года. Царевич долгое время жил в Преображенском, почти ничего не делал и окончательно подпал под прежние неблагоприятные влияния.

Громадная, роковая ошибка, имевшая самые печальные последствия! Но действительно ли только ошибка? Не было ли это удаление от царевича нужного человека в самое важное для воспитания время сознательным шагом, началом сложной интриги, закончившейся в 1718 году в застенках Преображенского приказа? Поручения, данные Гюйсену, вряд ли были такой первостепенной важности и невозложимы ни на кого другого. Каким же образом царь мог пожертвовать ради них

таким важным, имеющим общегосударственное значение делом, как воспитание наследника престола? Не были ли тут замешаны интересы других лиц, и не их ли влиянию следует приписать эту странную оплошность царя?

Таковы соображения, из которых исходит Погодин, и на основании которых он считает возможным обвинить Меншикова. По его мнению, последний-то и дал Петру злоумышленный совет отправить Гюйсена в чужие края. Уже в то время у фаворита будто бы было тайное намерение приучить царевича к праздности и лени, давая ему простор и свободу для препровождения времени с его родными, приверженцами старины, с попами и монахами, к которым он получил известное расположение еще при матери, – и тем приготовить будущий разрыв с отцом. Это, по словам Погодина, доказывается и жалобами царевича, говорившего при венском дворе, что Меншиков приучал его к пьянству, дурно обращался с ним. “Я никогда не оскорблял отца, – говорил, между прочим, Алексей, – если же имею немного ума, то это происходит от Бога и от Меншикова, который дал мне дурное воспитание, всегда меня утеснял, не заставлял учиться и от юности окружил дурными людьми и дураками”. Жаловался царевич и на Екатерину, обвиняя ее в том, что она из ненасытного честолюбия восстанавливала против него царя, а между тем, сохранились письма, в которых он благодарит ее за неоднократное заступничество перед отцом.

Итак, по мнению Погодина, у Меншикова еще в начале 1705 года был составлен тщательно обдуманный план, клонившийся к устранению царевича от престола. Но, спрашивается, что именно могло побудить Меншикова к составлению такого плана, в чью пользу он начинал эту опасную интригу, конец которой так трудно было предвидеть? В пользу Екатерины? Но она еще так недавно сошлась с Петром, и надо было обладать сверхчеловеческой прозорливостью, чтобы предвидеть в 1705 году брак русского царя с пленной иноземкой. Напротив, всякий здравомыслящий человек должен был на месте Меншикова стараться воспитать будущего царя в духе новых идей, сделать из него человека, сочувствующего стремлениям отца, смотрящего его глазами на его друзей и помощников. Если же на самом деле Меншиков в качестве обер-гофмейстера ничего не сделал для того, чтобы удалить царевича от вредных влияний, то это было вызвано теми же причинами, по которым и Петр так долго не обращал внимания и на воспитание сына: ему просто было некогда. уж если постоянные разъезды и заботы о государственных делах мешали отцу следить за тем, что происходит в Преображенском, то Меншикову, занятому сначала

в Петербурге, потом в Литве и Польше, тем более было не до того: где тут думать о воспитании будущего властелина, когда приходится вечно смотреть в оба, напрягать все усилия, чтобы угодить настоящему? Удаление Гюйсена было несомненно громадной ошибкой, но видеть в этом обстоятельстве начало тонко рассчитанной маккиавелевской интриги царского фаворита решительно нет никакого основания.

То же можно сказать и о других обвинениях, направленных против князя, – именно, о его грубом обращении с царевичем, о том, что он намеренно приучал последнего к пьянству. Первое основано на сообщении цесарского посла Плейера, что Меншиков драл царевича за волосы. Но грубые физические наказания принадлежали вообще к воспитательным приемам того времени. Такие же исправительные меры практиковал и Петр по отношению к своим ближайшим сотрудникам. Еще менее основательно обвинение в том, что Меншиков *намеренно* приучал царевича к пьянству – уже по одному тому, что напиваться при всякой возможности без меры, до полного бесчувствия, вовсе не считалось предосудительным. Это было обычное развлечение того времени, обычный отдых после трудов. Ни Петру, ни его сподвижникам частые и грандиозные попойки – конечно, благодаря их несокрушимому здоровью – ничуть не мешали заниматься делом. И юный царевич, собрав около себя кружок друзей, с которыми предавался пьянству, только подражал этим примеру своего отца с его всепьянейшим собором.

Что Меншиков в первое время не питал никаких злокозненных замыслов против царевича, не сеял раздора между ним и отцом, можно видеть и из того, что Петр до смерти кронпринцессы Шарлотты был сравнительно доволен сыном, брал его с собой в походы, поручал ему разные дела. Сам брак его с этой принцессой, устроенный клевретом князя, бароном Гюйсеном, говорит в пользу Меншикова. Если бы у последнего, находившегося тогда (царевич женился в 1711 году, а помолвка состоялась годом раньше) в апогее своего могущества, действительно было тайное намерение отстранить Алексея и его потомство от престолонаследия в пользу детей Екатерины, то он, конечно, воспользовался бы своим влиянием на царя и не допустил бы этого брака с сестрой германского императора, упрочившего положение царевича.

Другое дело потом, когда последствия небрежного воспитания стали бросаться в глаза, когда царь мало-помалу и сам пришел к печальному убеждению, что его преемник не пойдет по его стопам, у такого человека, как Петр, не привыкшего останавливаться перед какими бы то ни было препятствиями,

подобное сознание должно было рано или поздно, после более или менее тяжелой внутренней борьбы, привести к сознательному и несокрушимому решению устранить сына. Тем легче было прийти к той же мысли человеку постороннему. Понятно, что Меншиков не стал отклонять царя от принятого им решения; по всей вероятности, он даже делал все возможное, чтобы утвердить его в этом решении. Но при тогдашнем положении князя, далеко уже не пользовавшегося прежним влиянием и доверием, при самой щекотливости этого дела, его участие в последних событиях вряд ли было особенно активное. Как справедливо замечает Соловьев, “посторонним людям, которым выгодно было отстранение Алексея, не нужно и опасно было, пытаться укреплять эту мысль, ибо укрепление шло необходимо, само собой; надобно было только оставить дело его естественному течению, вмешательством можно было только повредить себе, ибо Петр, по своей проницательности, мог сейчас угадать, что другие делают тут свое дело. Если мачеха считала выгодным для себя отстранение пасынка, то она должна была всего более стараться скрывать свои чувства и желания пред мужем и другими...” Соловьев высказывает эти соображения по отношению к Екатерине, но они в такой же точно степени применимы и к Меншикову.

Как бы то ни было, смерть царевича избавила князя от большой заботы. Отношения его с царем также улучшились. В 1719 году он был назначен президентом новоучрежденной военной коллегии с чином контр-адмирала белого флага. Правда, тут же была назначена новая комиссия для расследования злоупотреблений его, Апраксина и Долгорукова. Сенат, пользуясь отсутствием государя, повелел, чтобы князь и Апраксин отдали свои шпаги и ждали дальнейших приказаний. Но дело, по обыкновению, кончилось только штрафом (в 100 тысяч рублей). Любопытно, что в то самое время, когда Меншикова хотели посадить под стражу (его спасло только ходатайство Екатерины, просившей сенат дождаться приезда государя), сам Петр, посетив устроенные Меншиковым Петровские заводы и найдя их в образцовом порядке, написал князю самое задушевное благодарственное письмо.

Так же мало последствий имело для него знаменитое Почепское дело, по поводу которого ему пришлось столкнуться с другим заслуженным деятелем того времени – вице-канцлером бароном Шафировым, подобно ему человеком худородным, взятым Петром с улицы. Сущность дела в немногих словах такова: когда после полтавской победы новому атаману Скоропадскому предстала необходимость одарить сподвижников Петра за труды,

понесенные ими при изгнании шведов из Малороссии, то наиболее ценный подарок, конечно, получил Меншиков, как наиболее отличившийся в Мазепинском деле взятием Батурина. Ему были отданы две гетманские волости – Почепская и Ямпольская со всеми принадлежащими к ним крестьянскими поселениями. Но князь этим не удовлетворился и стал настаивать у Скоропадского, чтобы ему отданы были и казаки всей сотни. Удовлетворить эту просьбу значило стать в противоречие со всем складом народных понятий, по которым казак был синонимом свободного человека, обязанного нести только военную службу. И тем не менее гетману пришлось исполнить и эту просьбу всесильного князя. Спустя какое-то время новые требования со стороны последнего – отдай ему и смежную с Почепской Храповскую волость: дали ему и Храповскую. Но и этого оказалось Меншикову мало; захотелось ему спрямить границы Почепской волости, и он просит Скоропадского сменить ему некоторые почепские земли на соседние стародубские, чтобы сделать свою волость круглее. Но комиссары князя, вместо замены, только прирезывали себе большие угодья и наносили обиды обывателям смежных сотен. Одолеваемый жалобами стародубцев гетман принужден был, наконец, и сам пожаловаться на князя в Петербург. Петр решил дело тем, что велел отдать Меншикову только то, что подарено ему было гетманом после Полтавской битвы, и послать комиссаров для нового обмежевания земель. Но тут со стороны чиновников, подкупленных Меншиковым, пошли новые неправильности и притеснения для жителей. В сенате сторону князя держал обер-прокурор Скорняков-Писарев, а против него выступил Шафиров. Последнему удалось одержать верх. Но при тогдашней общей легкой нравственности в служебных отношениях Шафиров скоро сам дал оружие в руки врагам. Он позволил себе употребить свое сенаторское влияние для того, чтобы брату его было выдано лишнее жалованье при переходе из одной службы в другую. В другое время дело могло бы легко сойти с рук. Но теперь Скорняков-Писарев, конечно, не замедлил воспользоваться его промахом и протестовал против незаконности дела. В довершение всего Шафиров, человек вспыльчивый и невоздержанный на язык, скоро сделал новый, еще более крупный промах. В сенате слушалось дело о почте, которая находилась под его ведением. По указу, когда разбиралось дело, касавшееся кого-нибудь из сенаторов, тот должен был на это время выйти из сената. Но Шафиров, зная, что остаются его враги, не захотел выйти. Это подало повод к самой неприличной и пошлой перебранке между ним, Меншиковым и другими сенаторами, а по возвращении

Петра, находившегося в это время в персидском походе, Шафиров был предан суду за ослушание царского указа, за выдачу лишнего жалованья брату и за трату государевых денег на свои расходы во время поездки во Францию. Суд приговорил его к смертной казни. Правда, приговор этот не был приведен в исполнение. В последнюю минуту, когда над головой несчастного уже взвился топор, Петр, из уважения к его прежним заслугам, помиловал его, заменив казнь ссылкой. Но Меншиков, несмотря на доказанные злоупотребления его по Почепскому делу, опять вышел сухим из воды. Он принес повинную, Екатерина по обыкновению замолвила за него словечко, и Петр простил его, хотя и сказал при этом жене: “Меншиков в беззаконии зачат, в гресех родила мать его, и в плутовстве скончает живот свой, и если не исправится, то быть ему без головы”. Но тут как раз Данилыч заболел, и царь не утерпел и написал ему ласковое письмо как ни в чем не бывало.

Однако в последний год царствования Петра положение князя серьезно пошатнулось. Вследствие обнаруженных злоупотреблений в военной коллегии Петр отнял у него президентство и передал его другому. Это было особенно чувствительное наказание для самолюбивого князя, который до сих пор еще ни разу не был лишен ни одной из своих многочисленных должностей. А тут и над его союзницей Екатериной, недавно только коронованной императрицей, стряслась беда. После известной Монсовой истории в отношениях супругов стало заметно сильное охлаждение. Вообще, император, под влиянием ухудшающегося здоровья и разочарований во всех окружающих, стал необыкновенно раздражителен и, по-видимому, не намерен был более щадить никого. При первом новом проступке князю бы, наверное, уже несдобровать.

И вот, в то самое время, когда долготерпение императора истощилось и черные тучи, до сих пор проносившиеся мимо баловня счастья, того и гляди должны были разразиться страшной грозой, Петр, давно уже прихварывавший, опасно заболевает и в ночь с 27 на 28 января 1725 года умирает.

Императора не стало. Великий Преобразователь России, пожертвовавший сыном для того, чтобы обеспечить судьбу своих реформ, издавший с этою же целью закон, уничтожавший прежний порядок престолонаследия и предоставлявший каждому монарху право назначать себе преемника по собственному выбору, умер, не успев воспользоваться этим правом. Новая страшная опасность для Меншикова. В глазах народа единственный законный наследник престола был сын несчастного царевича Алексея, малолетний Петр Алексеевич. Но допустить

избрание последнего значило передать власть в руки прежних приверженцев Алексея, партии родовитых вельмож с Голицыными и Долгорукими во главе, не столько ненавидевших реформы Петра, сколько вызванную последними на сцену толпу выскочек и во главе их Меншикова. Всемогущему до сих пор временщику такой оборот дела грозил прямой неминуемой гибелью, и понятно, что вся его энергия, вся изворотливость его ума должны были обратиться на то, чтобы доставить престол другому претенденту – Екатерине, недавно только коронованной императором и этим как бы косвенным образом предназначенной им своей преемницей. Правда, при дворе всем было известно, что если у императора и было подобное намерение, то после Монсовой истории он во всяком случае переменил его, так как Екатерина находилась в явной немилости; правда, ее не любили в народе, как иноземку, да и само возведение на престол женщины было явлением небывалым на Руси. Но для Екатерины, как и для Меншикова, не было другого выхода – она должна была искать короны, не только из честолюбия, но и по чувству самосохранения, потому что одолей противная партия, – ее и ее дочерей постигла бы участь первой жены Петра: заточение в монастырь. В этом отношении Меншиков не был один, и хотя партия великого князя и при дворе была более многочисленна, насчитывая в своей среде всех родовитых людей, но зато партия Екатерины была лучше представлена качественно. На ее стороне были все, имевшие личные причины опасаться восшествия на престол сына Алексеева.

Таковы были Толстой, главный виновник несчастья царевича, таковы были все новые худородные люди, все выскочки, которым грозило возвращение к прежней безвестности: Ягужинский, Макаров, Девьер и др.; такова была партия герцога Голштинского, нареченного жениха Анны Петровны, во главе которой стоял хитрый, изворотливый министр герцога Бассевич. Наконец, к приверженцам Екатерины должно было принадлежать большинство членов синода, учреждения, вызванного к жизни Преобразователем, и в особенности знаменитый Феофан Прокопович, подписавший смертный приговор Алексею. Все это были люди, способные, энергичные, недаром выдвинутые Петром и к тому же воодушевленные сознанием грозящей им опасности, тогда как представители противной партии были люди не только менее способные, но и менее заинтересованные в успехе: в случае неудачи им не грозила такая опасность, какая грозила главным сторонникам Екатерины.

Таковы были две партии, существовавшие при дворе в момент смерти Петра. Смерть эта была так неожиданна для всех,

что никто не успел надлежащим образом приготовиться к ней. О каких-либо мерах для обеспечения великого князя мы ничего не знаем. Приверженцы его, вероятно, надеялись, что достаточно исчезнуть Петру и оказанному им давлению, чтобы естественные симпатии большинства вышли наружу и вызвали реакцию против его системы и особенно против иноземцев. Даже когда болезнь императора приняла безнадежный характер, они не решались принять какие-нибудь серьезные меры из страха, что Петр может все-таки оправиться. Гораздо выгоднее было положение Меншикова и его товарищей. На их стороне была сила, они занимали важнейшие места в государстве и могли действовать без опасений. И действительно, в последние дни Меншиков, в сообществе Бассевича и Толстого, обнаруживает кипучую деятельность. Гарнизон и войска, не получавшие жалованья за 16 месяцев, были удовлетворены; казна отправлена в крепость, комендант которой был креатурой князя; разосланы указы, чтобы войска, находившиеся на работах, возвратились к своим полкам, под предлогом, чтобы они могли молиться за императора; в столице стража удвоена на всех постах, и отряды пехоты двигались по улицам для предупреждения волнений. В то же время старшие офицеры обоих гвардейских полков (из которых шефом одного был сам Меншиков, а другого – генерал Бутурлин, принадлежавший к той же партии), любивших императора до обожания и переносивших и на его супругу часть этой привязанности, и многие другие влиятельные светские и духовные лица были приглашены явиться во дворец в ночь с 27 на 28, чтобы сообщить им план о возведении на престол Екатерины. Последняя сама вышла к ним, оторвавшись от смертного одра умирающего императора, и со слезами на глазах заговорила о правах, данных ей коронованием, о несчастиях, могущих обрушиться на монархию под управлением ребенка, уверяя при этом, что не только не думает лишить великого князя короны, но сохранить ее для него и возвратить, когда небу угодно будет соединить ее с супругом. При этом не были забыты обещания повышений и наград, а для желающих воспользоваться ими тотчас же приготовлены векселя, драгоценные вещи и деньги. Такие веские аргументы подействовали, и все клятвенно обещали поддержать ее права на престол. После этого Меншиков, Бассевич и кабинет-секретарь Макаров совещались еще с час о том, что остается делать. Решено было не прибегать к насилию, а оказать только нравственное давление на противников, чтобы избрание императрицы имело характер свободного решения. Рассчитывали, что одно присутствие войска подействует на собрание устрашающим образом.

В ту же ночь, в шестом часу утра, император скончался. Сенаторы, генералы, придворные, немедленно извещенные об этом оставленными во дворце служителями, поспешили собраться в одной из комнат дворца для совещания. Они входили смущенные, озабоченные, но, видя, что большинство их принадлежит к одной партии – к партии великого князя, видимо ободрились, и лица их приняли торжествующее выражение. Зато небольшая кучка сторонников Екатерины казалась подавленной. Но вот дверь в боковую комнату отворяется, и из нее выходит Бассевич. Не смущаясь недружелюбными взглядами вельмож, он подходит к Ягужинскому и сообщает ему вполголоса, что важнейшие сановники государства уже присягнули Екатерине, что гвардия на ее стороне, а государственная казна в ее руках. Просиявший Ягужинский спешит передать это своему тестю, графу Головину; тот шепнул другому, и в несколько минут известие это облетает всю залу. Тогда Бассевич, заметив произведенное впечатление, подходит к окну и делает какой-то знак головой – это условленный сигнал, на который немедленно отвечает барабанный бой двух гвардейских полков. “Что это значит? – восклицает князь Репнин, президент военной коллегии. – Кто смел распорядиться войском без моего ведома?” “Я, – отвечает Бутурлин, – я сделал это по воле императрицы, которой всякий подданный обязан повиноваться, не исключая и тебя!”

В эту минуту с гордо-снисходительным видом выходит из внутренних покоев князь Меншиков, а вслед за тем и императрица, поддерживаемая герцогом Голштинским. Отерев слезы и ответив на безмолвные холодные поклоны присутствующих, она говорит собранию, что согласно воле покойного государя, возложившего на нее корону, она готова посвятить все свои силы тяжкому труду правления и будет стараться воспитать великого князя так, чтобы он сделался достойным того, кого теперь все оплакивают. На слова эти Меншиков отвечает, что столь важное объявление требует зрелого обсуждения и просит позволения удалиться для этого в особую комнату.

Что было дальше – нетрудно себе представить. Запутанные сторонники великого князя о нем и не заговаривали больше. Кто-то предложил назначить Екатерину только регентшей на время малолетства Петра Алексеевича, но грозные восклицания офицеров гвардии, также присутствовавших в зале, заставили отвергнуть это предложение. Тут выступил ловкий Феофан Прокопович и рассказал, что во время пребывания двора в Москве накануне торжественной коронации Екатерины, император с

несколькими преданными ему слугами проводил вечер у одного английского негоцианта и там положительно выразил, что возлагает корону на супругу с тем, чтобы последняя могла ему наследовать. “Ссылаюсь в этом, – заключил Феофан Прокопович, – на всех тогда присутствовавших и, между прочим, на великого канцлера Головина”. Смущенный Головин ответил нерешительным наклонением головы, а Меншиков поспешил воскликнуть: “Какого же еще другого удостоверения нам надо? Вот словесно выраженная воля и завещание нашего государя и благодетеля. Первейшие сановники, светские и духовные, засвидетельствовали нам это. Можем ли мы им не верить?.. Верим вам, отцы и братья, и восклицаем: да здравствует императрица Екатерина!” Недовольные скрепя сердце сделали bonne mine au mauvais jeu[9] и повторили его восклицание. Ливонская пленница взошла на престол Петра Великого, и звезда Меншикова, готовая было померкнуть, воссияла ярче прежнего.

Глава VI

Характеристика Екатерины.– Учреждение Верховного Тайного Совета.– Деятельность правительства при Екатерине.– Курляндский вопрос.– Кандидатура Меншикова и его неудача.– Новый фазис в вопросе о престолонаследии.– Меншиков переходит на сторону великого князя Петра. – Борьба с противниками.– Торжество Меншикова

"В ночь на 28 генваря много было говорено в пользу Екатерины, в пользу ее мужества и способностей правительственных, которые были развиты под руководством великого человека, не имевшего от нее тайн государственных. Но, оставя в стороне желание сторонников Екатерины превознести ее достоинства, мы должны заметить, что знаменитая ливонская пленница принадлежала к числу тех людей, которые кажутся способными к правлению, пока не принимают правления. При Петре она светила не собственным светом, но заимствованным от великого человека, которого она была спутницей; у нее доставало умения держать себя на известной высоте, обнаруживать внимание и сочувствие к происходившему около нее движению; она была посвящена во все тайны, тайны личных отношений окружающих людей. Ее положение, страх за будущее держали ее умственные и нравственные силы в постоянном и сильном напряжении. Но вьющееся растение достигало высоты, благодаря только тому великану лесов, около которого обвивалось; великан сражен – и слабое растение разостлалось по земле. Екатерина сохранила знание лиц и отношений между ними, сохранила привычку пробираться между этими отношениями; но у нее не было ни должного внимания к делам, особенно внутренним, и их подробностям, ни способности начинания и направления..."

Эта мастерская характеристика Екатерины, принадлежащая перу нашего знаменитого историка Соловьева, сама собою определяет положение, которое должен был занять Меншиков при новом правительстве. Подобная преемница Петра Великого, вступившая на престол в самую трудную пору для русского общества, понятно, могла быть царицей только по имени; фактическим же правителем неизбежно должен был сделаться Меншиков, не только в силу своего давнишнего влияния на императрицу, не только в награду за услуги, оказанные при ее воцарении, но и потому, что среди "птенцов Петровых" не было никого, кто лучше его мог бы справиться с тяжелым наследством.

Прежде всего торжество "светлейшего" князя выразилось, конечно, возвращением всего того, что он утратил за последнее

время царствования Петра Великого. Он снова назначен президентом военной коллегии; все счетные дела его с казной уничтожены, а в июне 1726 года исполнено давнишнее его желание, в котором ему отказывал покойный император: ему пожалован Батурин с 1300 дворов и 2000 дворов, принадлежавших Гадяцкому замку. Меншикову при его характере этого, конечно, было мало: он желал еще быть генералиссимусом, но в этой просьбе даже Екатерина должна была отказать ему из опасения вызвать еще большее неудовольствие враждебной партии, не переставшей возмущаться подавляющим значением выскочки. Отчасти для успокоения недовольных и был учрежден в 1726 году Верховный Тайный Совет, где главные сановники назначены членами с равным значением под председательством самой императрицы, и где, следовательно, никто не мог провести ничего без общего ведома и обсуждения. Но и в этом новом учреждении Меншиков скоро сделался полным хозяином. Дело в том, что из остальных членов только один, именно князь Голицын, принадлежал к старой знати и, следовательно, не мог составить ему серьезную оппозицию; другие три – генерал-адмирал граф Апраксин, канцлер граф Головин и граф Толстой всегда были его сторонниками и к тому же – особенно первые два – значительно уступали ему по уму и государственным способностям; вице-канцлер Остерман, несомненно умная, дельная голова, прекрасный дипломат и неутомимый работник, также не мог быть опасен как иностранец, как человек, не имевший партии и, по-видимому, не добивавшийся исключительного господства. Оставался еще герцог Голштинский, муж Анны Петровны, который скоро, к великому неудовольствию князя, также занял место в Верховном Совете. Герцог действительно, как член царского дома, оттеснил Меншикова на второе место, но его влияние на дела как иностранца, недавно только приехавшего в Россию и, к тому же, не понимавшего русского языка, было в сущности незначительно, и даже при личных столкновениях с князем, несмотря на расположение, которое Екатерина питала к своему зятю, тот обыкновенно оставался победителем.

Итак, правление Екатерины было только по имени ее правлением; настоящим правителем был Меншиков, правда правителем непопулярным, принужденным вечно быть настороже, бороться с тайным, а подчас и явным противодействием врагов и в некоторых случаях даже терпеть поражения. Но в общем, по отзыву всех, его влияние, особенно в делах внутренних, было безгранично. На обсуждение Совета поступали дела по его указанию и оканчивались так, как ему было угодно. Нередко,

чтобы предупредить всякое столкновение с членами Совета, он объявлял им прямо высочайшее повеление, продиктованное им же, так что, подводя итоги короткому царствованию Екатерины, мы этим самым характеризуем главным образом государственную деятельность князя.

В чем же выразилась эта деятельность?

В большинстве исторических трудов время, последовавшее за кончиной Петра Великого до воцарения Екатерины II, изображается как время весьма непривлекательное, как время малоспособных правителей, дворцовых переворотов, недостойных фаворитов. По отношению к царствованию Екатерины I мы считаем подобный взгляд сильно преувеличенным. Указывают, например, на апатию и распущенность, сменившие при ней прежнюю напряженную государственную деятельность, на то, что Россия не пользовалась уже прежним уважением среди европейских держав. Все это отчасти верно, но иначе и быть не могло. Действительно, Петр Великий своими победами над величайшим полководцем того времени вознес Россию на небывалую высоту, доставил ей почетное место в ряду других государств. Но могла ли она и после Петра удержаться на прежней высоте? Ведь в сущности Россия, государство бедное, необразованное, едва только вкусившее от европейской культуры, была несравненно более обширна, чем действительно сильна; главный источник ее силы заключался в гении ее государя, и когда этого источника не стало, то и политическое ее значение должно было уменьшиться. Но перемена все же не была так значительна, как ожидали на Западе, где все были убеждены, что со смертью Преобразователя все введенное им будет уничтожено и Россия станет опять прежней полуазиатской Московией. Радость, с которой была принята при многих иностранных дворах весть о кончине великого монарха, оказалась преждевременной. Ожидаемой смуты не произошло. Народ, чувствуя, что власть находится в твердых руках – руках прежних сподвижников грозного монарха, не воспользовался его смертью, чтобы вернуться к старине. Россия раз и навсегда вошла в сонм европейских государств, приняла участие в общеевропейской жизни и хотя утратила некоторую долю своего недавнего престижа, но с голосом ее уже нельзя было не считаться. Сохранение внутреннего спокойствия, особенно важного при данных обстоятельствах, путем твердости и разумных уступок – вот первая заслуга нового правительства с Меншиковым во главе.

Действительно ли в государственной деятельности наступил застой? Мы этого не видим, по крайней мере в первое время. Конечно, прежней напряженной деятельности, проникавшей во

все, даже отдаленнейшие уголки государства, теперь не замечается. Но и это опять-таки было неизбежно. Не говоря уже о том, что такие гениальные правители, как Петр Великий, представляют явление исключительное, но после той лихорадочной деятельности, которой предавалась Россия в течение четверти столетия, само собою должна была наступить некоторая реакция. Как ни важна и благотворна была эта деятельность для будущих судеб России, но в настоящем она обусловливала такие грустные явления, с которыми и самому Петру – останься он в живых – пришлось бы теперь серьезно считаться. Чрезмерное напряжение сил, которого требовал от своих, подданных Преобразователь, привело страну в самое тяжкое экономическое положение. Ее политическое могущество создалось ценою страшного обеднения. Беспрестанные наборы солдат, погибавших массами в походах, на работах при строении крепостей, при рытье каналов, переселение десятков тысяч семей на бесплодное топкое побережье Финского залива, где люди умирали, как мухи, от “прелестей” климата и всяких лишений, изъятие всех выгодных статей торговли из рук народа в пользу казны, неслыханные налоги – все это породило такое всеобщее обеднение, что правительство еще за неделю до смерти Петра было вынуждено остановить на время сбор денежных и хлебных податей, кроме подушного. Крестьяне, разоренные дотла, бежали массами за рубеж польский или “в башкиры”. Казна была пуста, а брать не с кого. При таких условиях какие-нибудь новые дорогостоящие предприятия, хотя бы и самые полезные, были невозможны (до внешних займов у нас еще не додумались); приходилось расплачиваться по старым счетам, и нельзя не оценить, что при этой расплате ничего существенного из приобретенного в прежнее царствование не было утеряно.

Прежде всего Россия, благодаря кучке стоявших во главе ее учеников Преобразователя, не сошла с намеченного им пути. Все крупные реформы, составляющие наиболее важную и никем не оспариваемую заслугу Петровского царствования, удерживаются и при ее преемнице.

На первом плане – созданное Петром новое, на европейский образец, войско. Войско было необходимо для России особенно теперь, когда нужно было поддержать ее новое значение. После заключения Ништадского мира Петр говорил: “Должно всеми силами благодарить Бога, но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, дабы не иметь жребия монархии греческой”. Завет Петра исполняется, войско составляет предмет серьезных попечений правительства. Когда известный Миних потребовал 15 тысяч солдат для окончания Ладожского канала, Меншиков

горячо восстал против этого предложения, указывая на то, что войска погибают на работах и что солдаты набираются с такими издержками и заботами не для того, чтобы копать землю. Благодаря его настойчивости, предложение Миниха, поддерживаемое Толстым и Апраксиным, отвергнуто и решено заканчивать канал одними вольными людьми. Войско при Екатерине находилось в образцовом состоянии, и иностранные правительства, хорошо осведомленные об этом через своих представителей, поневоле должны были и теперь прислушиваться с уважением к голосу России.

Победа, одержанная сторонниками Екатерины над партией великого князя, спасла и другое любимое детище Петра – Петербург. Старорусская партия ненавидела этот город за неудобства его климата, за страшную дороговизну в нем всех припасов, которые надо было привозить издалека. Правда, отказаться от него, уйти в Москву значило в то время удалиться от Европы, пренебречь величайшим приобретением Петра – морем, новосозданным флотом, новым значением России как европейской державы. Но вельможи не дорожили этими преимуществами и, как только Меншикова не стало, поспешили увезти молодого Петра II в Москву.

И в других областях продолжаются традиции Петра Великого. Исполнена его мысль об учреждении Академии наук. Посылается в Швецию Татищев для собирания материалов по русской истории, Шафирову поручают написать историю Петра Великого. Решено продолжать составление Уложения. Из коллегий и канцелярий велено доставлять в типографию сведения о “знатных делах, подлежащих к ведению народному” и т. д.

Но еще более важны заботы правительства о внутреннем устройстве государства. Уже в первых заседаниях Совета обращено было внимание на экономический кризис, переживаемый государством; указано было на существовавшие повсюду злоупотребления, на недостаток правосудия, на бедственное положение крестьян. Затем членам Совета поручено было составить предложения о тех переменах, которые увеличили бы благосостояние народа. Предложения были внесены. Правда, они не заключали в себе ничего выдающегося, и вообще деятельность Совета не привела ни к каким радикальным преобразованиям. В некоторых случаях правительство даже отступило, с целью сокращения расходов и уменьшения волокиты от программы Преобразователя, например, оно уничтожило надворные суды и подчинило городские магистраты по-старинному губернаторам и воеводам, чем уничтожались зачатки самоуправления, данного Петром. Но отдельные меры, принятые

для облегчения жизни крестьян, нельзя не признать вполне разумными и достигающими цели. Облегчены подушные подати, изменен порядок воинского постоя, крайне обременительный для населения, отменены многие стеснительные для торговли постановления, уничтожены откупы, сокращены штаты при канцеляриях.

Такова в общих чертах была деятельность правительства в царствование Екатерины, и если припомнить, что царствование это продолжалось лишь с небольшим два года, то нельзя не признать, что преемники Петра с честью вышли из того затруднительного положения, в которое поставила их преждевременная смерть этого колосса. В народе новые распоряжения вызвали неописуемую радость. Измученное население вздохнуло свободно, и можно смело сказать, что короткое царствование Екатерины, хотя и не озаренное блеском побед над внешними врагами, не наполненное той кипучей деятельностью во всех уголках государства, которая отличала славное царствование Петра, является все-таки полезным этапом в истории России. Это был, в некотором смысле, необходимый отдых после чрезмерных, хотя и вызванных необходимостью, требований Петра Великого и перед жестокими бессмысленными вымогательствами курляндского конюха – Бирона.

Необходимо, впрочем, заметить, что все эти труды и попытки, более или менее удачные, решения настоятельных вопросов, поднимавшихся со всех сторон по смерти Преобразователя, заняли только первый и второй год царствования Екатерины. Уж к концу 1726 года деятельность Совета становится крайне вялой, почти незаметной. “Россия похожа на корабль, у которого кормчий и матросы покоятся глубоким сном”, – писал один из иностранных послов своему двору. Что же случилось? Дело в том, что на сцену опять выступил вопрос о престолонаследии, и забота об устройстве собственных дел отодвинула для сановников на задний план заботы о нуждах государства.

Вступление на престол Екатерины было, как мы уже указывали, не только торжеством, но и спасением для “светлейшего” князя. Страшная опасность, которая возникла для него со смертью Петра, благополучно миновала. Он вознесся еще выше, стал еще могущественнее. Но в конце концов, при всех своих государственных заслугах он все же был временщик, обязанный своим могуществом личным отношениям с государыней, и мысль о том, что станется с ним и с его семейством в случае ее смерти, естественно, не покидала его даже в период наибольшего его торжества. В связи с этой заботой об обеспечении своего будущего находится, без сомнения, и

вмешательство князя в дела курляндские.

Отношение Меншикова к курляндскому вопросу и его образ действий в этом деле летом 1726 года представляют собой весьма интересные данные для характеристики временщика. К сожалению, рамки нашего очерка позволяют нам только вкратце коснуться этого эпизода. Мы уже говорили, что в 1710 году Петр выдал свою племянницу Анну Иоанновну за молодого герцога Курляндского. Но герцог через несколько недель умер, и так как после него не осталось детей, то герцогский престол сделался вакантным. Необходимо заметить, что Курляндия с XVI века находилась в ленной зависимости от Польши. Последняя хотела теперь воспользоваться прекращением династии, чтобы окончательно присоединить к себе Курляндию и сделать ее польской провинцией. Курляндцы со своей стороны мечтали о полной независимости. В то же время составилась партия, тяготевшая к России. Временно вопрос был решен тем, что поляки назначили администратором дядю покойного герцога, Фердинанда, бездетного старика, очень непопулярного в Курляндии и потому оставшегося жить в Данциге. Но в 1726 году, ввиду преклонных лет администратора, вопрос снова выступил на сцену. К тому же в числе претендентов на герцогский престол, которые, вместе с тем, могли быть и претендентами на руку вдовствующей герцогини, выступил человек, сумевший заслужить расположение как курляндцев, так и герцогини. Это был знаменитый впоследствии граф Мориц Саксонский, побочный сын Августа Польского. Поддерживаемый тайно королем (в данном случае интересы короля и Речи Посполитой расходились: последняя была против избрания его сына, опасаясь усиления монархической власти короля), красивый, рыцарски храбрый и галантный Мориц явился в Курляндию, пленил сердца дворян, пленил вдовствующую герцогиню и был единодушно избран на сейме в герцоги. Но торжество его было непродолжительно. У него явился могущественный соперник в лице князя Меншикова.

Уже в 1711 году, проездом в Померанию, князь стал хлопотать о курляндском престоле и хотел предложить 200 тысяч рублей королю польскому, если тот поможет его предприятию. В Курляндии тогда составилась партия в его пользу, с генералом Ренне во главе. Но при Петре Меншикову трудно было ставить свои личные выгоды подле государственных; теперь же обстоятельства переменились. Пользуясь своим влиянием на императрицу, князь убедил ее открыто высказаться в пользу его кандидатуры. Под его же влиянием состоялось 18 июня очень важное для него постановление Верховного Совета, о котором сказано в протоколе заседания:

“Все советовали без всякого замедления ради отвращения от выбрания в герцоги Гессен-Кассельского и принца Морица и склонения чинов курляндских на выбрание представленных с нашей стороны, отправить знатных персон. И ее императорское величество по тому совету и по высокому своему рассуждению соизволила повелеть ехать туда светлейшему князю Меншикову, под образом будто ради осмотру полков, во осторожность от аглинской и датской эскадр, обретающихся в Балтийском море, рассуждая, что в потребный случай для пострастки курляндцам можно за Двиною те полки поставить, однако ж отнюдь никакой противности оными не показывать”.

В заключение протокола сказано:

“А ежели того курляндцы не учинят, и светлейшего князя Меншикова в герцоги не изберут, то представить им в герцоги курляндские его королевского высочества герцога гольштинского двоюродного брата, второго сына епископа Любского”.

Но Меншиков был уверен в успехе. Наконец, если бы даже его собственная кандидатура не была принята, то он надеялся обеспечить свою дочь, выдав ее за голштинского принца после выбора последнего в герцоги.

Случилось, однако, не так, как он рассчитывал. Посланный вперед, с целью подготовить почву, князь Василий Лукич Долгоруков, один из искуснейших дипломатов Петровского царствования, ничего не добился. Курляндцы, успевшие тем временем избрать Морица, объявили ему, что сейм разъехался и определения его отменить нельзя. Что же касается Меншикова, то он все равно не может быть избран, так как он не немецкого происхождения и не лютеранин; принцу же Голштинскому только 13 лет и, следовательно, до его совершеннолетия Курляндии никакой пользы от него быть не может.

Не помогло и личное появление Меншикова (10 июля) в сопровождении 12-тысячного войска. Несмотря на полученную инструкцию, запрещавшую ему всякие насильственные приемы в обращении с курляндцами, князь позволил себе грозить депутатам, в случае ослушания, Сибирью, а Курляндии вторжением войска. Но депутаты, оскорбленные его повелительным тоном, твердо заявили, что могут получать приказания только от польского правительства. Кончилось тем, что Меншиков, не отваживаясь приступить на деле к сильным мерам, которыми угрожал на словах, и получив приказ императрицы вернуться в Петербург (от 16 июля), должен был выехать из Курляндии без всякого успеха.

А между тем, его самоуправство и насильственный образ действий, который мог вовлечь Россию в войну с Полыней, успели

сильно поколебать его кредит у императрицы. Враги его с герцогом Голштинским во главе, конечно, не замедлили воспользоваться его промахом и представить его поведение в Курляндии в самых черных красках. Вдобавок князь своим бесцеремонным обращением вооружил против себя и вдовствующую герцогиню, которая поехала жаловаться на него в Петербург. Таким образом, против отсутствующего фаворита составился целый заговор, в котором приняли участие и обе царевны. “Вся царская фамилия, – доносил цесарский посол Рабутин Карлу VI, – раздражена оскорблением, нанесенным Анне Иоанновне, и требует удовлетворения”. Назначена была комиссия для расследования образа действий князя в Курляндии. По-видимому, дела его принимали опасный оборот. Но Меншиков приехал, свиделся с императрицей и скоро – в первых же числах августа – следствие было прекращено, и все замыслы врагов обращены в прах.

Да оно и понятно. Тот же самый курляндский инцидент, выставивший в ярком свете самоуправство князя и давший против него оружие врагам, обнаружил еще ярче, в какой степени он нужен России. Благодаря его отъезду выяснилось, что настоящим деятелем, дававшим ход всей государственной машине, был именно он. “Без него как-то все дела остановились”, – писал саксонский резидент Лефорт. Другие вельможи в сущности не умели заниматься делами. Да и сами противники Меншикова, хотя бы тот же герцог Голштинский, затевая с ним борьбу, имели в виду лишь ослабить его могущество, подорвать доверие к нему императрицы и занять его место. Но совершенно устранить князя приверженцы Екатерины не желали и не могли, как главную опору их партии, как единственный военный авторитет, который можно было противопоставить другому фельдмаршалу, предводителю украинской армии, князю Михаилу Михайловичу Голицыну, принадлежавшему к лагерю великого князя.

Как бы то ни было, дело в Курляндии не выгорело. Правда, и Мориц Саксонский также должен был проститься со своими надеждами, и вообще решение вопроса о курляндском престолонаследии отложено до смерти старого герцога, так что шансы на успех не все еще были потеряны. Но расшатанное здоровье императрицы заставляло серьезно задумываться над другим, гораздо более важным вопросом – вопросом о престолонаследии в России.

В сущности Меншиков, возведя на престол Екатерину, только отсрочил решение страшного для себя вопроса. Но в то же время можно было надеяться, что императрица проживет еще долго и обстоятельства сами укажут спасительный выход. Теперь же

ждать дольше становилось опасно. В начале 1727 года состояние здоровья Екатерины приняло угрожающий характер. Приходилось принять окончательное решение. На первый взгляд, положение было такое же, как в 1725 году: претендентами на престол являлись с одной стороны – дочери Екатерины, за которых стояли прежние сторонники последней, опасавшиеся воцарения сына Алексеева, с другой стороны малолетний Петр Алексеевич, единственный законный наследник престола в глазах народа. События, правда, показали, что мнением народным можно пренебрегать, имея на своей стороне войско. Но люди более проницательные должны были понимать, что то, что удалось в 1725 году, может не удасться теперь. Тогда воцарение Екатерины при малолетстве великого князя не доказывало еще желания совершенно отстранить его от престола; но неужели этот единственный мужской представитель династии будет и теперь обойден в пользу одной из своих теток, в пользу женщины? Еще в начале 1726 года умный Остерман предлагал для примирения интересов обеих сторон женить великого князя на цесаревне Елизавете Петровне. Это было неосуществимо, потому что народ и церковь никогда бы не признали законным брак между такими близкими родственниками; но мысль, внушившая Остерману этот проект, мысль о невозможности устранить от престола великого князя была верной, и Меншиков, при всей своей смелости, должен был невольно отступить перед таким рискованным шагом, который грозил поставить его в положение Годунова. В подметных письмах, во множестве появившихся в то время, ему прямо приписывали эту роль. “Известие детям российским о приближающейся погибели российскому государству, как при Годунове над царевичем Димитрием учинено”, – говорилось в одном из таких писем: “понеже князь Меншиков истинного наследника, внука Петра Великого, престола уже лишил, а поставляют на царство российское князя Голштинского. О горе, Россия! Смотри на поступки их, что мы давно проданы...” Риск, следовательно, был большой, гораздо больше, чем в 1725 году, а выгоды... выгоды казались очень проблематичными. Возвести на престол Анну Петровну значило трудиться в пользу герцога Голштинского, значило готовить себе соперника в лице графа Бассевича, который теперь заискивал перед князем, но при изменившихся обстоятельствах, конечно, стал бы вести себя иначе.

Выход из этого затруднительного положения представлялся один – перейти заблаговременно на сторону великого князя, получить право на его благодарность, привязать его к себе всеми способами... Говорят, эта мысль была внушена Меншикову

цесарским послом Рабутиным, принимавшим к сердцу интересы великого князя как племянника цесарева, а Рабутину, в свою очередь, она была подсказана датским послом, боявшимся усиления герцога Голштинского как врага Дании. Как бы то ни было, Меншиков, покончив с колебаниями, принялся за дело со свойственной ему энергией, и в одно прекрасное утро (в марте 1727 года) партия герцога и дочерей Екатерины с ужасом узнала, что Меншиков просил императрицу о согласии на брак его дочери с великим князем Петром и что императрица дала согласие.

Что побудило Екатерину решиться на этот шаг, который должен был отнять у ее дочерей самую сильную их опору, так как не могло быть сомнения в том, что будущий тесть великого князя станет на его сторону в вопросе о престолонаследии? На этот вопрос ответить трудно. Известно, что Меншиков, между прочим, просил согласия императрицы на брак дочери с Петром в виде вознаграждения за то, что она отняла у этой дочери ее прежнего жениха, польского выходца графа Сапегу, и сговорила за него свою племянницу Скавронскую. Но, по всей вероятности, императрица, все время своего царствования прожившая в постоянном страхе народного восстания, и сама чувствовала, как опасно обойти законного наследника, и, не желая подвергать этой опасности дочерей, надеялась, что по крайней мере упрочит их положение, соединив с будущим императором человека, на признательность которого имела право рассчитывать.

Первый проведал об этом Толстой и – ужаснулся. Самый сильный и постоянный его союзник покидал его, переходил на сторону врагов! Он бросился к герцогу, к цесаревнам, те – к матери. Но напрасно молили они ее подумать о гибельных последствиях сделанного ею шага; напрасно Толстой рисовал перед ней опасность, которой она подвергает своих детей и самых верных слуг. Правда, Екатерина начала было колебаться, уверяла, что брак великого князя с Меншиковой не переменил нисколько ее тайного для всех намерения относительно престолонаследия. Но Меншиков имел вторую секретную аудиенцию, и дело было решено окончательно.

Толстой с товарищами, однако, не сложили оружия. Они надеялись, что время еще не ушло и что в конце концов удастся уговорить императрицу назначить наследницей Елизавету, а там, авось, и брак великого князя не состоится – ведь он еще так молод! Но времени оказалось мало. 10 апреля у императрицы открылась горячка; приступить к ней с новыми представлениями заговорщики не решались, а тут один из них, Девьер, своим неосторожным поведением окончательно погубил и себя, и товарищей.

История Девьера, первого полицеймейстера Петербурга, в высшей степени интересная сама по себе по своей романтичности, ярко рисует злопамятный и беспощадный нрав светлейшего князя. Мы можем рассказать ее только в немногих словах. Однажды, во время пребывания в Голландии, Петр Великий заметил на одном корабле красивого, необыкновенно ловкого и проворного юнгу. Юноша оказался сыном крещеного португальского еврея по фамилии Девьер, с радостью принял предложение царя поступить к нему на службу. Сначала он был на побегушках у Меншикова, но скоро царь взял его к себе в денщики, и, будучи доволен его службой, стал повышать в чинах. В1712 году Девьер обратился к Меншикову с предложением выдать за него свою сестру Анну Даниловну, во взаимности которой он был уверен. Но надменный фаворит, успевший уже позабыть о собственном, более чем скромном происхождении, отнесся к этому предложению как к неслыханной дерзости и отказал, а когда тот стал настаивать, то вместо ответа приказал высечь навязчивого жениха батогами. Тогда Девьер бросился к государю, прося заступничества, и Петр приказал обвенчать влюбленных. Вслед за тем Девьер был назначен обер-полицеймейстером, а впоследствии генерал-лейтенантом и сенатором. Но как Девьер ни возвышался, Меншиков все не мог простить ему того, что он насильно вошел к нему в родство. Со своей стороны Девьер, хотя по солидарности интересов и принадлежал к одной с ним политической партии, платил ему такими же “нежными” родственными чувствами и, посланный в 1726 году в Курляндию для разбора жалоб Анны Иоанновны на князя, не стал щадить последнего и представил дело в пользу герцогини. Этого было достаточно, чтобы нажить ему в князе смертельного врага. И вот болезнь императрицы дала Меншикову возможность окончательно погубить как ненавистного шурина, так и всех его единомышленников.

16 апреля, когда болезнь особенно усилилась, Девьер, находясь во дворце, имел неосторожность сказать плачущей Скавронской: “Не надобно плакать”. Цесаревне Анне, вышедшей из комнаты больной, он сказал: “О чем печалиться? Выпей рюмку вина”, – не встал перед ней и смеялся, что было, конечно, неприлично. Этим воспользовался Меншиков, и Девьера предали суду. С расспросу и пыток он оговорил Толстого, Ушакова, Скорнякова-Писарева, старика Бутурлина, одного из Нарышкиных и молодого Долгорукого. Открылось также сообщество герцога Голштинского. Все они, кроме герцога, были привлечены к суду. Правда, все преступление их заключалось только в одних разговорах о том, что не следует допускать брака великого князя

с Меншиковой. Но для князя это было, конечно, самое непростительное государственное преступление; и так как императрица видимо угасала, то суд действовал с необыкновенной поспешностью – в 10 дней окончил дело, а несчастная императрица за несколько часов до смерти подписала приговор своим верным слугам, помогавшим возвести ее на престол: Девьера и Толстого, лишив чинов, чести и деревень, сослать – первого в Сибирь, второго в Соловки, Скорнякова-Писарева бить кнутом и сослать; остальные также чувствительно наказаны. Потом еще прибавлено: Девьеру при ссылке учинить наказание, бить кнутом.

Вечером того же дня (6 мая) императрица скончалась, оставив духовное завещание, по которому наследником престола назначался великий князь, с тем, чтобы он женился на дочери Меншикова, на время же его малолетства должно быть учреждено регентство из обеих цесаревен, герцога и Верховного Тайного Совета. Кроме того, завещание определяло порядок престолонаследия в случае смерти Петра бездетным, назначало цесаревнам большие денежные суммы и т. д.

Это завещание, как выяснилось потом, было составлено Бассевичем по соглашению с Меншиковым и подписано Екатериной. Но оно соответствовало желаниям большинства, и слухи о его подложности никого не смущали.

Итак, Меншиков восторжествовал еще раз. Страшный вопрос, смущавший его с давних пор, решен окончательно, решен так удачно, так счастливо для него, как он и не смел мечтать. Поднимаясь все выше и выше по лестнице почестей, ведущей к трону, бывший пирожник достиг теперь высшей ступени, какая только доступна подданному. Правитель государства, не имеющий соперников, будущий тесть императора, популярного в народе, – теперь он, наконец, в безопасной пристани, и никакие бури ему не страшны...

Старая история – человек предполагает... Все это торжество, все это величие продолжалось всего только 4 месяца. То, чего не сделали все происки врагов, чего не сделали все прежние ошибки и злоупотребления “светлейшего” князя, то сделал каприз 12-летнего мальчика, сидевшего на престоле Петра Великого.

Глава VII

Меншиков – генералиссимус и нареченный тесть императора. – Его самовластие. – Интриги врагов. – Неосторожность и беспечность Меншикова. – Болезнь его. – Его падение. – Меншиков в Раненбурге. – Его богатства. – Новые обвинения. – Подметное письмо. – Ссылка в Березов. – Меншиков-плотник. – Смерть Меншикова. – Судьба его семейства

По завещанию Екатерины, до совершеннолетия императора управлять государством должен был Верховный Тайный Совет при участии цесаревен. “Дела решаются большинством голосов, и никто один повелевать не может”. Но это мнимое завещание должно было остаться мертвой буквой. Еще при составлении его Меншиков объявил Бассевичу, что герцог должен будет уехать, потому что ему, как шведу, не доверяют. Герцог и сам понимал, что теперь ему нечего рассчитывать на какую-нибудь выдающуюся роль в России, и, получив обещанный за Анной Петровной миллион (из которого светлейший князь заранее выговорил себе “за труды” 80 тысяч рублей), уехал в свое герцогство. Со стороны 17-летней Елизаветы Петровны, думавшей только о забавах, также нечего было опасаться вмешательства в дела. Оставался один Верховный Тайный Совет, но тот и при Екатерине был послушным орудием в руках князя. Теперь последний еще менее стал церемониться со своими коллегами. Обыкновенно в Совете присутствовали только трое – Апраксин, Головин и Голицын, причем вся их деятельность заключалась в том, чтобы подписываться под приказами Меншикова. Сам он являлся в Совет очень редко; Остерман, назначенный воспитателем юного императора, также – к ним обоим дела носили на дом для получения их мнения, которое со стороны князя обыкновенно было равносильно приказу. Весьма часто в важных делах никто и не знал о цели его официальных распоряжений. Вот случай, ярко иллюстрирующий самовластие князя. В июне 1727 года Петр Михайлович Бестужев, управлявший двором Анны Иоанновны, указом Верховного Тайного Совета вызван был из Митавы в Петербург: “приказано приехать немедленно”. Бестужев прискакал сломя голову. Но “светлейший” князь в то время был болен, доступ к нему невозможен. И что же? Никто не мог объяснить Бестужеву, зачем его вызвали в Петербург *по указу Верховного Тайного Совета.*

Таким образом, единственным регентом, управлявшим государством с неограниченной властью, остался Меншиков, и,

по-видимому, были приняты все меры для упрочения этой власти. Чтобы не дать императору попасть под чужое влияние, князь немедленно перевез его в свой дом на остров и окружил надежными людьми, а 25 мая устроил торжественное обручение его со своей старшей дочерью, 16-летней княжной Марьей Александровной, которую после этого стали поминать в церквах великой княжной и нареченной невестой императора; 34 тысячи рублей назначено было на содержание ее особого двора. Еще раньше, 13 мая, Меншиков получил от императора давно желанное звание генералиссимуса. Таким образом, имея под своею властью все сухопутные и морские силы государства, подчинив своему влиянию юного государя, которого он в скором времени надеялся привязать к себе неразрывными узами, Меншиков мог, наконец, считать себя в полной безопасности от всяких интриг и ударов судьбы.

Да и откуда было явиться новой опасности? Все враги, все подозрительные люди удалены, сосланы, сделаны безвредными, а те, от которых нельзя было отделаться, обласканы, осыпаны милостями и, по-видимому, превратились в лучших друзей “светлейшего” князя. Остерман, единственный способный человек, который мог бы заменить Меншикова, не опасен; у него нет связей, знать смотрит на него свысока, он не может, следовательно, рассчитывать на первую роль, не может обойтись без опоры, а кто же может служить ему лучшей опорой, как не Меншиков, которому он столь многим обязан, который доверил ему такое важное и ответственное дело, как воспитание императора? Уж на Остермана-то, очевидно, он может рассчитывать. Знать также, по-видимому, перестала относиться к нему враждебно с тех пор, как он перешел на сторону великого князя. И Меншиков делает все, чтобы окончательно привязать ее к себе. Голицыны и Долгорукие получают важные должности; один из последних, князь Алексей Григорьевич, назначен гофмейстером при великой княжне Наталье Алексеевне – место очень важное по тому влиянию, какое великая княжна имела на брата; сын этого Долгорукого, молодой князь Иван Алексеевич, пострадавший за участие в кружке Девьера, снова приближен ко двору и назначен гоф-юнкером императора. Это ли не заслуживает благодарности?

Меншиков ошибался. Люди, которыми он окружил императора, которых он осыпал, по его мнению, милостями, не могли быть его друзьями. Слишком еще свежи были в памяти его прежние обиды, слишком хорошо знали все его высокомерие и завистливость, не допускавшие в других и тени самостоятельности. Да и сами милости его, выскочки, человека,

которого они считали гораздо хуже себя, только раздражали. Ему льстят, перед ним рассыпаются в изъявлениях благодарности и преданности, но его ненавидят по-прежнему, даже больше, если это только возможно. И при первой возможности свергнуть это ненавистное иго, все эти новые друзья, конечно, не замедлят превратиться в неумолимых врагов.

Эта возможность скоро явилась. Постоянная удача сделала этого “баловня счастья” беспечным; беспечность была причиною целого ряда промахов, приведших к роковой, хотя, по всей вероятности, в конце концов и неизбежной развязке.

Этот умный и ловкий человек, любимец двух государей, сумевший сохранить их любовь и доверие, несмотря на все свои провинности, в каком-то непонятном ослеплении совершенно не подумал о том, чтобы заслужить такую же любовь и доверие со стороны нового императора. Бывший пирожник мало-помалу разучился гнуть спину перед кем бы то ни было. Для его повелительного, деспотического нрава не было теперь никакой сдерживающей узды. В юном императоре Ментиков видел только 12-летнего мальчика, которому он, в качестве будущего тестя, служит опекуном и от которого поэтому вправе требовать повиновения. Нужно отдать ему справедливость, он настоящим образом понял свои обязанности по отношению к императору, понял, что последнему надо долго и много учиться, чтобы стать достойным преемником своего великого деда. Понимал это и Остерман, в лице которого князь дал Петру прекрасного воспитателя. Но Остерман не менее хорошо понимал свои собственные выгоды. Этот мягкий, обходительный, всем улыбающийся человек скрывал под своею непритязательною внешностью величайшее честолюбие. Чтобы достигнуть своей цели, ему надо было прежде всего приобрести любовь своего питомца, а для этого достаточно было только выказывать снисходительность, не налегать с учением и сваливать всю вину стеснительных мер на “светлейшего” князя. Совершенно иначе поступал последний. Он разыгрывал роль строгого ментора, не потакал стремлению мальчика к удовольствиям, требовал отчета во всех поступках...

Первое время мальчик покорно подчинялся этому контролю. При жизни Петра I и Екатерины он находился в тени; за ним не ухаживали придворные, не баловали его лестью. В Меншикове он привык видеть человека, перед которым все преклоняются. Наконец, он был уверен, что обязан ему возведением на престол... Но теперь положение его сразу и совершенно изменилось, и скоро он начинает смотреть на вещи иными глазами. Ему так часто, так красноречиво напоминают, что он самодержавный император, что

он может делать все, что ему угодно... Все, что угодно... Но ведь это злая насмешка... Он вовсе не хочет учиться, он любит езду верхом, любит псовую охоту, а между тем, во всем надо спрашиваться у князя и чаще всего получать отказ. Барон Остерман, правда, также стоит за ученье, но он гораздо снисходительнее и, наконец, он также подчиняется требованиям светлейшего князя. И в душе мальчика все сильнее и сильнее разрастается недовольство строгим опекуном.

Невеста ему также не нравится. Рассказывают, что бедная княжна, очень любившая своего первого жениха Сапегу, упала в обморок, когда отец впервые сообщил ей об ожидающем ее счастье. Шестнадцатилетняя, вполне развитая красавица, конечно, не могла питать никакого чувства к своему мальчику-жениху. В его обществе ей было не по себе; она неохотно принимала участие в его забавах и казалась мальчику скучной и противной. То ли дело тетя Елизавета Петровна! Та, несмотря на свои 17 лет, была ему совсем под пару по живости характера, по страсти к увеселениям и прогулкам, к шуму и движению. И она также не любила князя, разлучившего ее с сестрой. Не любила его и великая княжна Наталья Алексеевна, имевшая на брата большое влияние.

Все это не ускользнуло от зорких глаз придворных, и вот все потихоньку, но систематически начинают раздувать это недовольство, а больше всех обласканные князем Долгорукие. Петру нашептывают, что он ничем не обязан Меншикову, что он взошел бы на престол и без его содействия, указывают на беспредельное честолюбие князя, напоминают об участи несчастного Алексея... Но еще сильнее, чем эти нашептывания, действует неосторожное поведение самого Меншикова.

По какому-то случаю цех петербургских каменщиков поднес императору в подарок 9 тысяч червонцев, а тот, желая порадовать сестру, отправил к ней деньги с одним из придворных. Но посланный встретился с Меншиковым, который, узнав в чем дело, заметил: “Государь еще очень молод и не знает, на что следует употреблять деньги; отнесите их ко мне, я увижусь с государем и поговорю с ним”. На другое утро великая княжна Наталья по обыкновению пришла навестить брата. Узнав, что она не получила подарка и что его отнял у посланного Меншиков, Петр пришел в страшный гнев. Он немедленно послал за князем и с необыкновенной запальчивостью закричал на него, как смел он помешать исполнению его приказания? Не привыкший к такому обращению, князь был поражен, как громом. Однако он быстро оправился и отвечал, что ввиду известного недостатка в деньгах в государстве и истощения казны он намеревался сегодня же

представить проект более полезного употребления этих денег. Но мальчика, понятно, такой ответ не успокоил. Топнув ногой, он вскричал: “Я научу тебя, что я император и что мне надо повиноваться!” И с этими словами повернулся к князю спиной и ушел. Меншиков пошел за ним и так долго упрашивал его, что Петр, еще не привыкший к подобным выходкам, наконец, смягчился и простил его.

Но первый шаг к освобождению уже сделан. Юный император окончательно почувствовал свою силу. В самом деле, с какой стати он будет слушаться человека, который испугался одного его окрика, с какой стати он слушался его до сих пор? Он действительно покажет всем, что император он, а не этот выскочка.

К несчастью для Меншикова, последний скоро после этого опасно заболел. Старая болезнь, чахотка, разыгралась с особенной силой; у него появилось сильнейшее кровохарканье, лихорадка. Готовясь к смерти, он написал императору прекрасное наставительное письмо, в котором указывал ему на его обязанности относительно России, “этой недостроенной машины”, увещевал слушаться Остермана и министров; написал и к членам Верховного Тайного Совета, поручая им свою семью.

Меншиков оправился, но болезнь уже сделала свое дело. Петр, очутившись на свободе, окончательно вышел из-под его влияния. Пользуясь этой свободой, никем не удерживаемый, он по целым дням предавался своим любимым развлечениям в компании Долгоруких. Между тем, Меншиков, выздоровев, опять принялся школить его, читать нотации. Он запрещает царскому камердинеру расходовать деньги без своего разрешения, не велит исполнять приказания императора или сестры его без предварительного себе доклада. Император выпрашивает у него 500 червонцев и дарит их сестре. Меншиков велит отнять их у великой княжны. Такие мелкие стеснения особенно чувствительны: тем более они обидны и невыносимы теперь, когда мальчик успел уже вкусить свободы.

Но Меншиков, по-видимому, совсем не сознает своей неосторожности, не замечает надвигающейся грозы. Уверенный в своем могуществе, в своем неотразимом влиянии на императора, до сих пор, несмотря на все свои вспышки, наружно смирявшегося перед ним, он спокойно и беззаботно оставляет его на руках своих врагов в Петергофе, а сам с семейством уезжает отдохнуть после болезни в любимый свой Ораниенбаум. Он все еще доверяет хитрому Остерману, который, будучи обязан давать ему отчет в поведении своего воспитанника, не забывает в каждом письме уверять его “высококняжескую светлость” в своей

преданности и неизменном расположении императора. Последний, уже наученный своими любимцами, Долгорукими и Остерманом, скрывать свои чувства и замыслы, приписывает по-прежнему “любительные поклоны”.

Только 26 августа, в день именин великой княжны Натальи, Меншиков начинает прозревать опасность. Он видит, что Остерман обманывал его, обнадеживая насчет чувств императора. Как только князь начинал говорить с ним, Петр поворачивался к нему спиной, не обращал никакого внимания на его поклоны и был очень доволен, что мог унижать его. “Смотрите, – сказал он одному из придворных, – разве я не начинаю вразумлять его?” На невесту он также не обращал никакого внимания.

Меншиков внутренне бесится, но еще не сознает, как велика опасность. Придворные по-прежнему раболепствуют перед ним, в Верховном Тайном Совете его слово равняется закону; не сегодня-завтра он надеется вернуть и утраченную милость императора. В Ораниенбауме 3 сентября назначено освящение новой его церкви; на это торжество приглашен и император. Но враги боятся, чтобы между ним и князем не произошло примирения, и в последнюю минуту уговаривают Петра не ехать под предлогом нездоровья. Меншиков при этом случае, как рассказывают некоторые, совершает новую неосторожность: во время церемонии он садится на место, приготовленное для императора. Об этом, конечно, доносится, куда следует, с приличными комментариями.

Развязка быстро приближается.

На другой день Меншиков приезжает в Петергоф, но ему едва удается видеть императора; 5-го он совсем его не видит. Петр с утра уезжает на охоту; великая княжна, чтобы не встретиться с ненавистным князем, выпрыгивает в окно и отправляется за братом. Меншиков вне себя. Он набрасывается на Остермана, обвиняет его в двоедушии, обвиняет в том, что он старается отвратить императора от православия, и угрожает колесованием. Остерман отвечает, что он так ведет себя, что колесовать его не за что, но что он знает человека, который действительно заслужил этого. Война объявлена. Ментиков очнулся от своей беспечности, спешит в Петербург и начинает действовать. Надо отделаться от Долгоруких, удалить Остермана. Против первых он вызывает Голицыных, которым, конечно, должно быть нежелательно возвышение Долгоруких; Остермана он хочет заменить прежним учителем великого князя, Зейкиным, которому раньше, по желанию Остермана, приказано было оставить Россию. Вдогонку Зейкину, не успевшему еще уехать, послан указ вернуться. Но время уже упущено. Враги также отбросили прежние предосторожности и действуют решительно. На другой день по

отъезду Меншикова в Петербург, государь именным указом объявил Верховному Тайному Совету, что он намерен вернуться в столицу и жить в Летнем дворце, который и приказано немедленно приготовить; Верховному Совету также велено перебраться туда. До сих пор Совет собирался в доме Меншикова, где жил сам император. Переезд последнего являлся, таким образом, явным знаком опалы. Меншиков, вероятно, узнал об этом и, в надежде видеть государя, спешит в Совет, но, прождав там напрасно полтора часа, возвращается домой.

До сих пор высшие должностные лица, не посвященные в интригу, продолжали еще толпиться в передних всемогущего правителя. Но теперь его опала уже известна всем. 7 сентября, читаем мы в поденных записках князя[10], Меншиков встал по обыкновению в 6-м часу утра, вышел в ореховую залу и просидел в ней без всякого дела до 9 часов один, неодетый. В 9 часов поехал в Верховный Тайный Совет, но заседания не было. В этот день он не отдыхал после обеда.

В этих немногих строках поденных записок, по обыкновению сухо, без всяких комментариев излагающих порядок дня “светлейшего” князя, заключается целая потрясающая драма. Что должен был передумать и перечувствовать этот гордый вельможа, этот баловень счастья, привыкший к общему поклонению, когда он сидел один в своей великолепной зале, обыкновенно переполненной раболепной толпой, ожидая какого-нибудь посетителя и в то же время сознавая, что никого не дождется, что песенка его спета и что ему нечего рассчитывать на преданность людей, которыми он сам пользовался всегда лишь как орудием для осуществления своих честолюбивых планов. В такие моменты обыкновенно переживают целую жизнь...

В тот же день император приехал в Петербург и ночевал в Летнем дворце, а на другой день, 8 сентября, к Меншикову явился генерал-лейтенант Салтыков и объявил ему арест, “чтобы со двора своего никуда не езжал”. При получении этого приказа Меншиков лишился чувств, и ему пустили кровь. Жена его, вместе с сыном и сестрою, Варварой Арсеньевой, поспешила во дворец, где на коленях молила императора о помиловании. Но Петр не обратил никакого внимания на просьбы княгини. Так же напрасны были ее мольбы, обращенные к Елизавете и Наталье. Даже к Остерману бросилась было несчастная женщина. Все было кончено...

На другой день, по докладной записке Остермана, Верховный Совет определил сослать Меншикова в его нижегородские деревни, где ему жить безвыездно, чинов и кавалерии его лишить, а имению быть при нем. По просьбе князя, переданной

Салтыковым, указ о ссылке в тот же день изменен императором, и местом ссылки назначен город Раненбург.

11 сентября Меншиков, конвоируемый капитаном Пырским с отрядом в 120 человек, отправился на место назначения. Но выезд его из Петербурга ничем не напоминал о постигшей его опале. Это был великолепный поезд богатого вельможи, отправляющегося в свои имения. Впереди этого поезда, состоявшего из 127 человек прислуги и множества колясок, берлинов и фургонов с разным добром, ехали 4 кареты шестерней, в которых помещались сам князь с женой, свояченицей и детьми. За бывшей невестой императора следовал ее прежний штат: гофмейстер, паж, 4 конюха. Все служители были вооружены ружьями и пистолетами. Народ толпами собирался по пути и с удивлением глядел на великолепную процессию.

Это была последняя дань, которую гордый временщик принес своему тщеславию. Но вместе с тем это была большая неосторожность. Враги его легко могли представить государю, что он смеется над властью, его низвергшей, что ему недостаточно испытанного унижения.

И действительно, самое горькое было еще впереди. С каждым днем Меншикову придумывают новые наказания; нарочные один за другим посылаются вдогонку к Пырскому с разнородными приказаниями – то снять с детей князя ордена, то отобрать у него царских лошадей и экипажи, то лишить ордена Арсеньева, добровольно последовавшего за княжной в должности гофмейстера, то, наконец, отправить Варвару Арсеньеву в Александровский монастырь. Эта свояченица князя особенно тревожила его врагов. Некрасивая, горбатая, но одаренная редким умом, приятным и занимательным разговором, она пользовалась большим уважением со стороны Петра I и Екатерины. Меншиков охотно советовался с ней в делах семейных и даже служебных, находя в ней полное сочувствие своим честолюбивым планам. Враги постарались разлучить его с этой советчицей.

Тем не менее Меншиков первое время по прибытии в Раненбург еще надеялся на то, что его оставят тут в покое. В своем несчастии он утешал себя тем, что может, наконец, отдохнуть после всех тяжких трудов, после забот и треволнений придворной жизни, наслаждаясь своими несметными богатствами. Не зная, что все его письма перехватываются и отсылаются в Верховный Совет, он то и дело посылал приказы управляющим своих многочисленных имений, требовал высылки разных припасов, указывал, как употреблять доходы.

Но эти мечты о спокойной жизни скоро рассеялись.

Ссылка Меншикова произошла без всякого суда, по одному лишь приказу 12-летнего императора. Враги прежде всего спешили выпроводить опасного человека из Петербурга. Теперь надо было все-таки найти оправдание своему образу действий, надо было заклеймить его открыто, всенародно, чтобы никакой возврат к прошлому не был возможен.

В ответ на разосланные указы о доставлении сведений о действиях опального князя, посыпались со всех сторон обвинения. Казенные учреждения, частные лица представили жалобы о захвате казенной собственности, денежные претензии. Это дало Верховному Совету предлог описать всю движимость Меншикова в петербургских и московских его домах, в приморских дачах, деревнях и заводах.

Мы не будем останавливаться здесь на подробном перечислении колоссальных, чисто сказочных богатств князя, которые были обнаружены этой описью. Скажем только, что у него было конфисковано 90 тысяч душ крестьян, города Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп и Батурин; 4 миллиона тогдашних рублей наличной монетой, капиталов в лондонском и амстердамском банках на 9 миллионов рублей; бриллиантов и разных драгоценных вещей на 1 миллион; три перемены, по 24 дюжины каждая, серебряных тарелок и столовых приборов и 105 пудов золотой посуды. Но это было еще не все: кроме имений в России, у князя были еще значительные земли в Ингрии, Ливонии и Польше, король прусский пожаловал ему поместье Речек, а император германский – герцогство Козельское. Что же касается домов, отличавшихся самой роскошной меблировкой, драгоценной домашней утвари, одежды, усыпанной драгоценными каменьями, – то этому добру и счета не было. Одна опись вещей, взятых Меншиковым с собой в Раненбург, продолжалась 3 дня.

Всего этого колоссального богатства, нажитого ценою стольких неправд, пришлось князю лишиться. Ему оставлены только самые необходимые вещи. Но это были мелочи. Вслед за жалобами, вызвавшими конфискацию, последовало обвинение более важное. 3 ноября 1727 года граф Головин, русский посланник в Стокгольме, прислал в Совет секретную депешу, в которой сообщал со слов какого-то надежного приятеля, что при покойной императрице, когда союзники Швеции угрожали нам войной, Меншиков обнадеживал шведское правительство, что он не допустит Россию до войны, потому что власть над войском находится в его руках, что тот же Меншиков при многих случаях сообщал барону Цедеркрейцу, шведскому посланнику в Петербурге, о положении дел при нашем дворе, за что получил от

него 5 тысяч червонцев. При этом Головин выражал уверенность, что в бумагах Меншикова найдутся какие-нибудь следы этой преступной корреспонденции.

Справедливо ли было это обвинение или нет – трудно решить. В бумагах Меншикова ничего подозрительного, оправдывающего это обвинение, не было найдено. Что ответил он сам посланным для допроса лицам, также неизвестно, так как ни донесения этих лиц, ни ответы Меншикова не сохранились в делах Совета. Во всяком случае, благодаря этому обвинению враги получили возможность придать ссылке князя совсем другой характер. До сих пор она имела вид опалы; теперь с опальным стали обращаться, как с государственным преступником. Посланный на место Пырского капитан Мельгунов получил инструкцию держать князя под самым строгим присмотром. Его окружили крепким караулом; самого князя с женою и сыном заключили в одной комнате и к дверям приставили часовых; княжны отделены в особую комнату и также при часовом. Мелыунова беспокоило даже то, что княжны могут ходить в спальню к отцу и говорить с ним – “и нам в оном не без сумнения”, – писал он в Верховный Совет.

Но и теперь Меншиков казался еще опасным тем лицам, которые заняли его место. Раненбург, по мнению Долгоруких, был слишком близок к Москве. Под влиянием Остермана император решил отправить князя куда-нибудь подальше – например, в Вятку, Архангельск и т. п., пожитки его взять, а княжне и другим детям оставить по 10 тысяч на каждого, да несколько деревень. Но Совет не торопился с исполнением этого приказания; в то время двор находился в Москве, все заняты были предстоящей коронацией, а между тем подвернулось одно, по-видимому, ничтожное обстоятельство, которое сразу изменило судьбу князя. 24 марта у Спасских ворот найдено было подметное письмо в пользу Меншикова; в этом письме, по словам современников, оправдывалось поведение князя, восхвалялись его высокий ум и способности и, кроме того, возбуждалось недоверие императора к его новым фаворитам.

Этого было достаточно. Самое строгое следствие не открыло автора письма, в котором подозревали свояченицу князя, то тем не менее Варвара Арсеньева была пострижена в монастырь, а 8 апреля подписан императором указ о ссылке князя с женой, сыном и дочерьми в Березов. Меншиков в Сибири уже не принадлежит истории. Его историческая роль кончилась. Но для психолога этот последний, непродолжительный период жизни бывшего баловня счастья, быть может, самый интересный. Если постоянная удача, могущество кружат многим головы, дают

возможность развернуться их дурным инстинктам, то несчастье обнаруживает их истинную природу. Это своего рода горнило, из которого натуры более благородные выходят очищенными, тогда как натуры мелкие, слабые погибают окончательно.

На берегу р. Сосьвы, близ впадения ее в Обь, в 1066-ти верстах от Тобольска, среди дремучей тайги и пустынной тундры, приютился небольшой городок Березов. Трудно представить себе что-нибудь пустыннее, неприветливее этого заброшенного уголка. Но не одно удаление от людей служило наказанием для ссылаемых в этот край. Климат Березова увеличивал страдания. Летом, при 27 градусах жары, болотистые испарения поднимаются над городом, воздух невыносимо душен. Зимою жестокие морозы доходят иногда до 45 градусов. Земля в течение 8 месяцев укутана в снежный саван. Ночи продолжительны и мрачны. Холод захватывает дыхание и мгновенно превращает выдыхаемый пар в иней, стекла в окнах лопаются, стены домов щелкают, земля и лед растрескиваются.

В эту-то ледяную пустыню в августе 1728 года привезли Меншикова с детьми и поместили в острог, построенный в 1724 году для государственных преступников. Это было длинное деревянное здание с узкими закругленными окнами; внутренность была разделена на 4 комнаты. Одну из них занял сам Меншиков с 13-летним сыном Александром, другую княжны Марья (16 лет) и Александра (14 лет), третью прислуга, а в четвертой помещались съестные припасы.

Княгини Дарьи Михайловны уже не было в живых. Меншиков лишился своей верной подруги жизни еще в дороге. Бедная женщина, ослепшая от слез, выехала из Раненбурга уже больной; езда на телеге, без шубы, скудная арестантская пища, отсутствие медицинской помощи привели ее к смерти. В 12 верстах от Казани, 10 мая, караван ссыльных должен был остановиться; больную внесли в крестьянскую избу, и здесь, окруженная солдатами, она умерла на руках своего семейства.

Несчастье произвело сильный нравственный переворот в самом Меншикове. Гордый, жестокий, алчный во времена своего величия, он сделался теперь смиренным, истинно благочестивым и переносил свое несчастье с замечательной твердостью. Жители Березова смотрели на него как на праведника. Из отпускавшихся на содержание его денег (10 рублей ассигнациями в сутки) он скопил небольшую сумму, на которую построил деревянную церковь. Он сам работал с плотниками, своими руками копал землю, рубил бревна и устраивал внутренние украшения. Когда постройка была окончена, он принял на себя должность дьячка, пел на клиросе, звонил в колокола, говорил прихожанам

назидательные поучения. “Благо мне, Господи, – говорил он беспрестанно в молитвах, – что мирил мя еси”. Возвратясь домой, он заставлял детей читать священные книги или диктовал им замечательные происшествия из своей жизни. К сожалению, эта драгоценная рукопись до нас не дошла.

Но при всем своем смирении и покорности Провидению Меншиков не мог не сокрушаться над участью детей. Мысль, что он своими ошибками погубил их, терзала его сердце и сокращала дни. Он умер 12 ноября 1729 года, 56 лет от роду, и был похоронен близ алтаря построенной им церкви.

Так кончил свои дни знаменитый государственный деятель, в течение четверти столетия оказывавший огромное влияние на судьбы России. Какого бы мы ни были мнения о пользе этой деятельности, но важность и значение ее не подлежат сомнению. О недостатках Меншикова мы достаточно говорили; указывали и на своекорыстную подкладку всех его действий; но эти недостатки были присущи большинству современников. Соперники его, кричавшие о его злоупотреблениях и чудовищном властолюбии, еще менее его заботились о благе отечества и воспользовались его падением лишь для того, чтобы пойти по его же стопам. Пример его, постигшая его участь никого не отрезвили. Многочисленные временщики, наполняющие собою следующие два царствования, так же усердно взбирались по лестнице почестей и, не достигая той высоты, которой достиг их первообраз, падали в ту же пропасть. Но к чести этого временщика необходимо сказать, что между многими, последовавшими его примеру и испытавшими одинаковую с ним участь, немного было людей с такими обширными и разносторонними способностями, с такой энергией, как у любимца Петра Великого; мало было таких, которые оказали бы России столько услуг под руководством этого государя и после него, и еще меньше таких, которые бы с подобным мужеством переносили последний жестокий удар судьбы.

Нам остается еще сказать несколько слов об участи семейства Меншикова. Старшая его дочь, бывшая невеста императора, ненадолго пережила отца и скончалась 28 декабря того же года. Но вторая дочь и сын в 1730 году были возвращены из ссылки императрицей Анной Иоанновной.

Трагическая судьба этого семейства, в особенности старшей княжны, Марьи Александровны, послужила темою для многих романов и драматических произведений.

У березовских жителей сохранилось следующее предание о княжне Марье Александровне. В 1728 году вслед за Меншиковым приехал в Березов князь Федор Долгорукий (как полагают, сын

дипломата Василия Лукича). Он давно уже был влюблен в княжну и, узнав о ее ссылке, выпросился ехать за границу, а сам под чужим именем явился в место заточения своей возлюбленной. Они были тайно обвенчаны одним престарелым священником. В летнее время жители Березова часто видели князя Федора и его жену, прогуливающихся по берегу Сосьвы. Через год после этого брака княгиня Долгорукая скончалась родами двух близнецов и была похоронена в одной могиле с детьми близ Спасской церкви.

Раскопки, производившиеся в 1825 году тобольским губернатором Д. Н. Бантыш-Каменским, с целью найти могилу князя Меншикова, по-видимому, подтверждают это предание. На том месте, где стояла некогда Спасская церковь, найден был гроб, а в нем довольно сохранившийся труп, по-видимому женщины, с двумя детскими гробиками по сторонам.

Как бы то ни было, для романистов это предание находка. Написанный на эту тему чувствительный роман Лафонтена в свое время был переведен на все языки.

Источники и пособия

1. Записки Юста Юля. (Русский архив. 1892).

2. Записки Бассевича. (Русский архив. 1892).

3. *Корб.* Diarium itineris in Moscoviam. Рус. перев. М. И. Семевского.

4. Дневник генерала Гордона. (Чтения московского общества истории и древностей. 1891).

5. Записки Манштейна о России. (Приложение к "Русской старине". 1875).

6. *Фокерод.* Россия при Петре Великом. (Русский архив. 1875).

7. Записки герцога де Лирия. (Сборник Бартенева "Восемнадцатый век", кн. 2 и 3).

8. Донесения французских, английских, прусских и др. послов в сборнике императорского истор. общества. (Т. 3, 15, 20, 34, 39, 40, 49, 50, 52, 58, 61, 64, 66).

9. Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета, там же. (Т. 55 – 56, 58).

10. *Мартов.* Достопамятные повествования. ("Москвитянин". 1842).

11. *Голиков.* Деяния Петра Великого.

12. *Бантыш-Каменский.* Биографии русских генералов и фельдмаршалов. (1840. Т. 4).

13. *Minzloff.* Menschikoffs Herkunft. (Baltische Monatschrift, luni, 1866).

14. *Грот.* Неизвестное сочинение о России при Петре I. (Русский вестник. 1882, № 2).

15. *Лазаревский.* Описание Старой Малороссии. Стародубский полк.

16. *Bruckner.* Zarevitsch Alexei.

17. *Погодин.* Царевич Алексей Петрович по свидетельствам вновь открытым. (Чтения в Московском обществе истории и древностей России. 1861, № 3).

18. *Погодин.* Суд над царевичем Алексеем Петровичем. (Русская беседа. I860, № 1).

19. *М. И. Семевский.* Царевич Алексей Петрович. (Русское слово. 1860, № 1 и 2).

20. *Галлер.* Die Thronbesteigung Katharina's. (Russishe Revue, 1890).

21. *А. Брикнер.* Императрица Екатерина (1715 – 1727). (Вестник Европы. 1894, № 1).

22. *Арсеньев.* Царствование Екатерины I. ("Восемнадцатый век", Бартенева).

23. *Щебалъский.* Князь Меншиков и граф Мориц Саксонский. (Русский вестник. I860, № 1 и 2).

24. *Карпович.* Вмешательство русской политики в избрание Морица Саксонского герцогом Курляндским. (Древняя и новая Россия. 1875, № 9 и 19).

25. *Шубинский.* Березовские ссыльные (“В исторических рассказах”, его же).

26. *Есипов.* Жизнеописание А. Д. Меншикова (Русский архив. 1875).

27. *Есипов.* Ссылка Меншикова в Березов. (Отечественные записки. 1860. № 8; 1861. № 3).

28. *Соловьев.* История России. Т. 14 – 19.

29. *Устрялов.* История Петра Великого. Т. 4, 6.

30. *Карпович.* Замечательные богатства частных лиц в России.

notes

Примечания

1

По Голикову, это случилось в 1689 году

2

заранее *(лат.)*

3

Секретарь австрийского посольства Корб, в “Дневнике” которого рассказан вышеприведенный случай, пишет от 15 мая 1698 – 99 г.: “Известный при дворе по царской к нему милости Алексашка шептал что-то на ухо царю, который, уезжая из Воронежа в Азов, уже находился в лодке. Царь был затем так рассержен, что дал своему докучливому советнику несколько пощечин, от которых тот упал замертво у ног разгневанного государя”

4

Мой дорогой товарищ, мой милый друг, мой брат *(нем.)*

волей-неволей *(лат.)*

6

По словам французского посла Лави, известный своей ученостью Брюс и умный даровитый Ягужинский – люди весьма ограниченные. Так же презрительно отзывается другой французский посланник, Кампредон, об известном петровском дипломате Толстом, которого Петр особенно ценил именно за его “умную голову”. Кампредон же называет его “человеком, лишенным всяких способностей к политике”

7

Вором делает случай *(фр.)*

8

О назначении Меншикова гофмейстером просил сам Гюйсен

9

Хорошую мину при плохой игре *(фр.)*

10

Эти поденные записки начинаются с 1716 года и продолжаются до 8 сентября 1727 года, т. е. до того дня, когда Меншиков был арестован